

№ 1-й.

Апрель 1919 г.

Издание Агитационно-Просветительного Отдела
Нижегородск. Губернск. Военного Комиссариата.

МЫСЛЬ

КРАСНОАРМЕЙЦА

СОДЕРЖАНИЕ:

1. От редакции.2. Судья явился.3. Эй, проснись!4. Смело в бой!5. За светлую жизнь.6. Красноармейцу.7. Красный офицер.8. Стройте новую жизнь, обновленья.9. Песня кузнецов.10. Крепостная.11. Вьюга.12. Мужик.13. Из истории французской революции.14. Почему необходима гражданская война и всеобщее военное обучение?	15. О денежном кровообращении.16. Приказы председ. Революц. Воен. Совета.17. Обзор фронтов.18. Всеввобуч.19. Агитац. и популяризация.20. Агитац.-Просветительн. Отдел Нижгубвоенкома.21. Просвещение в Красной Армии.22. Культурная работа в деревне.23. Доклады с мест.24. Партийная жизнь.

РЕДАКЦИЯ ПОМЕЩАЕТСЯ:

Нижгубвоенком, Агитационно-Просветительный Отдел.

ОТ РЕДАКЦИИ.

К выпуску первого номера журнала редакция не обзавелась цинкографией, по этому не было возможности его иллюстрировать.

В ближайшее время этот недостаток будет устранен.

„Мысль Красноармейца“ имеет цель отразить на своих страницах мысли, переживания, надежды и чаяния товарищей армейцев. Письма, стихи, рассказы, сообщения и запросы Красноармейцев найдут предпочтительное место в журнале.

Журнал предполагается выпускать еженедельно.

Материал и всю корреспонденцию следует направлять в Губвоенком, Агитационно-Просветительный Отдел для журнала „Мысль Красноармейца“.

Издание Агитац.-Просветительного Отдела Нижгубвоенкома.

МЫСЛЬ КРАСНОАРМЕЙЦА.

Апрель 1919 года.

Судья явился.

(Рассказ).

К вечеру знойного августовского дня, авангард №-й Сибирской стрелковой дивизии вступал в деревушку, только что оставленную врагом.

У подножья высокой горы, в одной из самых лесистых частей Карпатского хребта, мы, наконец, получили возможность двухдневного отдыха, после месячного непрерывного наступления по пятам отступающего неприятеля.

Походным порядком мы расположились к ночевке, выставив ночные дозоры и караулы.

Чувствуя бесграничную усталость, мы с неразлучным боевым другом, товарищем по роте и взводу, тотчас же погрузились в сон в одной из крестьянских изб, у испуганного, встревоженного галичанского семьянина.

Мы уснули тем богатырским сном, который, я уверен, не знаком человеку, не пережившему всех „прелестей“ походной жизни.

Проснувшись ранним утром, подкрепившись горячей водой, я с обычным интересом стал спрашиваться о положении дел на фронте.

В эти летние месяцы 1915 г. ошеломляющий успех сопровождал русское оружие.

Наша дивизия, перекинута на Карпатский фронт из Царства Польского, все время вахдилась в боях и мы со дня на день ждали приказа об отводе нас в резерв.

Но, увы, такового не было... и все наши ожидания на этот счет оставались тщетными.

Солдаты начали серьезно помышлять о „временном“ увольнении на покой. Скрытое брожение дошло до начальника дивизии, который в специальном приказе объявлял гнусностью и изменой родине такое естественное желание изнуренных и утомленных непрерывными боями и громадными переходами товарищей.

„Такая измена родине и царю будет караться всей строгостью законов военного времени“ заканчивал этот приказ начальник дивизии, выложенный

тип с бакенами, недавно лишь окончивший академию генерального штаба и, по протекции своего брата, бывшего в то время членом Государственного Совета, получивший сразу такое назначение. Приказ начальства вещь, святая. Все приумолкли и подчинились своей незавидной солдатской доле.

Наша стоянка в Карпатской деревушке задержалась в ожидании остальных частей дивизии. Прошло уже больше месяца, мы оставались на прежнем месте.

Окружающая природа вдохновляюще действовала на меня.

Высокая гора, покрытая сплошной лесной растительностью за исключением вершины, достигавшей снежного пояса, великолепный вид на поля, растлавленные кругом, создавало весьма отрадную обстановку, в которой я забывал свою отчужденность от света, от пыльных улиц больших городов, от повседневной сцены мирской жизни.

Правда, воспоминание о моей больной матери, оставленной почти на произвол судьбы, иногда довольно сильно западало в мое сердце, но боевая обстановка до того закалила меня, забронировала мою душу, что я постепенно привыкал ко всем перипетиям судьбы.

Лишь получение письма, раз в три-четыре месяца, переносило меня в родную обстановку, просветляло мой разум от угара войны.

Вскоре мы выступили в поход.

Левый фланг армии несколько подался назад и наша дивизия, как резерв, была послана в угрожавшее прорывом расположение фронта.

Этот переход в 130 верст в 6 дней, при летнем зное, окончательно сломил мое и без того пошатнувшееся здоровье. Рапортом по начальству, я просился в пехотный дивизионный лазарет.

Командир роты, получив этот рапорт, подзывает меня и угрожающим тоном заявляет: „На войне больных нет. Без всяких разговоров выполнять

приказание начальства. Марш. Знаем, голь на выдумки хитра“.

Этот разговор до того подействовал, что больше оставаться на ногах я не мог и стал отставать от роты.

Неожиданно командир снова вызвал меня и поздравил с назначением взводным командиром, предложил мне, больному и изношенному, моментально вступить в должность. Пришлось подчиниться.

Между тем, цель нашего похода была достигнута. Городок №, лежавший на берегу маленькой, сильно обмелевшей реченки, наконец, приютил нас.

С часу на час мы ждали приказа выступить на боевые позиции.

Носились упорные слухи о крупных неудачах по соседству расположенной Корниловской дивизии. Настроение было скверное.

Наступили продолжительные ливни.

Отсутствие снарядов и продовольствия давало себя чувствовать. Голодные солдаты, изнемогая, с трудом влачили день за днем, ожидая, как осужденные заранее на казнь, часа своей смерти. С этим все свыклись.

Тяжкие раны и убийства товарищей не производили никакого впечатления.

Наши сердца обратились в каменные, а человеческие чувства испарились.

Лишь подобие образа человеческого и то неестественного от всевозможных потрясений — вот что действительно осталось у нас.

За что же это? За что и за кого мы страдаем, обрекаем себя на заведомую смерть?

Эти вопросы уже давно будоражили меня. Раньше я не придавал этому никакого значения. Я считал, как, вероятно, сотни и тысячи других, что так должно быть.

Подобно тому, как луна движется вокруг земли, а земля вокруг солнца, точно также и наша жизнь должна быть принесена Молоху войны, казалось в начале мне, и я не давал себе ясного ответа во всем происходящем.

Мой пытливый, вечно все и вся анализирующий, ум не мог однако успокоиться на столь простом разрешении этой проблемы.

Ведь нами, как игрушечными солдатиками распоряжаются свыше. Кто дал им на это право?

Кто разрешил им играть нами? Клика буржуазии во главе с царем, задумала эту еще невиданную в мире братоубийственную войну.

И неужели это даром пройдет для них? Неужели карающая рука справедливого Судьи не кончит с этой гнусной бандой?

Эти вопросы мучили меня. Я чувствовал, что меч вознесется над головами этих разбойников, для корыстных целей, чуждых всему народу, устроивших такую бойню.

Кто будет этот справедливый Судья? Восстанет ли народ и сметет ли этих хищников, питающихся морями человеческой крови и потоками их слез?

Доживу ли я до этого счастливого часа справедливой мести?...

Наша дивизия, как выяснилось, завтра же должна дать отпор наседающему по всему фронту врагу. Левый фланг наших армий так выгнулся перед наступающим неприятелем, что давал ему возможность обхвата всего корпуса.

С ночи в корпусном штабе шли непрерывные совещания. Выяснилось, что враг подвел громадной численности подкрепления, великолепно снабженные рудиями, снарядами и пулеметами.

У нас же ничего нет. Придется драться голыми руками, подставляя груды человеческих тел для прикрытия отхода и до прибытия подкреплений.

Наша дивизия снова в авангарде.

Штаб армии приказал: до последнего человека задерживать неприятеля.

Лица у всех неузнаваемы. Чувствуется неминуемая гибель.

Но еще ранее предполагавшегося срока, разведка донесла о быстром наступлении неприятельского конного отряда с легкой артиллерией.

Наскоро рассеявшись в цепь, мы с замирающим сердцем ждали исхода сражения.

О смерти я не думал, не сегодня-завтра она должна познакомиться и со мной, но мысль о тяжелых ранах, о калечении на всю жизнь, мучила меня.

Уже вблизи слышна была пулеметная трескотня. 8-й пехотный полк, не выдержав натиска врага, обратился в паническое бегство, расстроил боевую цепь и увлек нас с собою.

Неприятельская конница по следам преследовала нас до второй линии резервов.

Здесь наши „полководцы“ решили окончательно задержать врага.

Но этот номер не прошел.

Тактика Гинденбурга сломила и вторую линию резервов.

Наметив в каком-либо уязвимом месте нашего фронта ударный пункт, подвезя туда огромное количество резервов и артиллерии, австро-германцы напролом ломали стойкость нашего фронта и обращали нас в паническое бегство.

Мы отступали „по стратегическим обстоятельствам“. Так гласило сообщение штаба верховного главнокомандующего.

В действительности же, отступление приняло характер панического бегства перед все усиливающим своей натиск врагом.

Весь юго-западный фронт был расстроен. Кое-какие части с невероятным мужеством, заранее обрекая себя на смерть, временно задерживали неприятеля.

Обоз, тяжелая артиллерия, резервы — все слилось в одну непрерывную массу.

После трех-недельного бегства, бессонных ночей, выбиваясь из сил, едва переводя дыхание, наша сводная часть из солдат различных полков получила возможность недельной передышки в польском местечке П., несколько восточнее Варшавы.

Путь в тысячу верст был пройден нами в течение короткого промежутка времени.

Нечего и говорить, сколько невзгод и лишений, сколько нечеловеческих усилий стоило это отступление.

Несколько придя в себя, очнувшись от умопомрачительной картины панического бегства миллионов людей, обозов, скота и лошадей, тысячных толи несчастных беженцев с домашним скарбом, с женами и маленькими детьми, запружавшими дороги и мешавшими отступлению „доблестной“ армии, я и тогда не мог сразу постигнуть всего происшедшего.

Мой неразлучный товарищ, с которым я свы-

ше года разделял все „блага“ походной солдатской жизни, где-то в общей свалке отстал от меня.

Чувство мрачного одиночества, полной растерянности, забытое мною в месячный период нечеловеческих страданий, опять отравляло мою душу.

Я видел страдания миллионов людей, несчастных лошадей, ржавших от ужасов войны-дикого порождения культуры и цивилизации вырождающегося буржуазного общества и строя, и... я был счастлив.

Я благодарил судьбу за то, что она сделала меня свидетелем одного из этапов издыхания вывороченной на изнанку культуры 20-го века.

И неужели не будет этому конца? До каких же пор несчастный народ будет терпеть виновников этого бедствия?

Я ждал, ждал с нетерпением разрядки насытившейся человеческой кровью, пороховым дымом и удушливыми газами атмосферы...

Приближение неприятеля ускорило наш отход. По приказу начальства крепость в Гродненской губ. должна была служить сборищем разбежавшихся во все стороны солдат. Через 1/2 недели мы были там. Гарнизон готовился к продолжительной осаде. Запаслись с естественными припасами, снаряжением, ежедневно маневрировали.

Но увя. Труды были напрасны.

Безостановочно неприятель достиг и этого оплота. Подведя крепостную осадную артиллерию, тяжелые гаубицы и мортиры, он направил адский

огонь нескольких батарей крупного калибра на один небольшой участок крепости. Разрушив в пепел искусственные бетонные массивные сооружения этого несколько выдающегося вперед участка, он проник в крепость.

Нам удалось бежать, оставив врагу миллионы снарядов, крепостную артиллерию, сотни вагонов продовольствия.

Мы отступали... Все искусство нашей армии вылилось, как это ни странно, в успешность отступления.

Полки, успевавшие убежать с пулеметами, удостаивались благодарности.

И так продолжалось до глубокой осени...

Пройдя город С. (Грод. губ.), мы остановились в полном изнеможении, решив сдаться противнику, если он „накроет“ нас и здесь.

Отойдя опять таки верст 70 к востоку, за крупный железнодорожный узел Б, мы наконец сформировались в боевую единицу и приготовились принять врага.

Немного прошло с тех пор.

Моя заветная мечта сбылась.

Февральские, а затем октябрьские дни 1917 года доказали правоту моих суждений.

Судья явился.

Это был страдальческий трудовой народ.

Семен Олин.

Эй, проснись!

Эй, проснись, оглянись, на себя погляди,
Кем ты был, чем ты стал и что есть впереди!
Помнишь--ли ты, как тащили оброк,
Отнимая последнего хлеба кусок,
Как голодный, усталый работы искал,
Не найдя возвращался в холодный подвал;
Как буржуи, смеясь в ответе,
Обещали наград на том свете?
Помнишь—ли, как открылась война,
Как наполнилась чаша терпенья до дна?
Если спал непробудно тогда,
Так проснись, уж сияет свободы звезда,
Своим светом кроваво-лучистым,
Развиваясь над миром, зовет в Коммунисты.

Курсант Ниж. Пехотн. Курсов Жеймис.

Смело в бой!

Я всегда умолял и просил моих братьев по духу
Осмотреться, взглянуть с высоты, как в тисках
Утонченного рабства, разврата и лжи стонут, гибнут
В бессильной нужде эти братья, забытые люди..
Я всегда призывал... я, ведь, страстно желал:
Люди-братья!.. отбросьте гнетущую вас в бесконечном
Позоре и пошлости жизнь, есть, ведь, что-то святое
и ценное там,
Где страдают от боли и муки рабы униженные
в непосильной
Борьбе и заботе о завтрашнем скудном питании со
стола
Поразитов, врагов и предателей честных рабочих,
Поднимайтесь скорей, вдохновляйтесь скорей на
последний и
Славный из славных боев. Наша жизнь впереди...
Наше счастье
Так близко... прочно. Встрепенитесь, друзья!
Еще раз постоим; еще раз мы прольем свою чест-
ную кровь,
Но достанем его, истукана, врага, и повергнем во прах,
Распылим навсегда.

Борис Ребровский.

ЗА СВЕТЛУЮ ЖИЗНЬ.

(Рассказ).

Когда Андрей Осипов, деревенский паренёк, нескладный и рябой, вышел за околицу своего родного села Нижней Ольховки, начинало светать. Снежные темные тучи заволакивали почти все небо, оставляя только вдали небольшую светлую полосу, особенно выделяющуюся на темневшем еще небосклоне.

Осипов, с котомкой за плечами, шел не один. Его спутником был сверстник его, Василий Коробьин, с которым у Андрея было пережито вместе несколько светлых дней и годы горя и лишений. Оба они были из числа той деревенской бедноты, которая всегда глядела на сельскую улицу маленькими-маленькими окошечками избенок да покосившимися сараями и ветхими плетнями.

Товарищи шли молча. У каждого из них были свои думы, связанные с родным кровом, который только что они покинули.

Жаль было им обоим оставлять и родное селение, в котором прожили они со дня своего рождения, и старух-матерей, видевших в прошлом одно лишь горе. Околица все дальше и дальше оставалась позади... Вот Осипов с Коробьиним прошли мимо большой лесопилки сельского богатея Степана Селивестрова, кулака-миroeда, заставлявшего за гроши работать бедняков-односельчан Андрея и Василия.

— Слышь, теперь и кисловодские стали пилить на лесопилке... — показывая по направлению к деревне Кисловодке, проговорил Коробьин.

— Да... Много больше народу сейчас работает... — отозвался Андрей, выведенный из несколько тревожных дум. — Две смены рабочих введены...

— И платят хорошо... — продолжал Василий.

— Чего и говорить... Не за гроши трудятся, как мой отец бывало... — проронил Осипов, взбираясь с Коробьиним на крутой косогор, с которого видна была вся Ольховка, как на ладони.

Путники снова замолчали. В связи с разговорами о лесопилке, у Андрея ясно всплыло тяжелое недавнее прошлое.

Вспомнил он невольно и своего отца, обрушившегося вместе с гнилыми подмостками и попавшего рукою в лесопильную машину. Даже теперь Андрей ясно представлял его лежащим в безчувственном состоянии, окровавленным, с исковерканной рукою.

Андрею не было тогда и пятнадцати лет. Тяжелым камнем лежало на душе парня это воспоминание.

Отец Осипова долго работал на лесопильном заводе, получая жалкие гроши, Андрей ясно помнит, что сам Селивестров распорядился ни гроша не выдавать даже на похороны умершего. Сколько ни хлопотала мать Андрея, все-таки дело решили в пользу богатея и признали виною смерти отца Осипова его собственную неосторожность. Сколько ни молили кулака родные погибшего о выдаче хотя бы грошей, Селивестров остался неумолимым.

Смутная еще не сознанный злоба против богатея, издевавшихся над беднотой, проснувшись в душе Андрея при печальном воспоминании.

Все более и более светло становилось, когда

Осипов с Коробьиним поднялись в гору и пошли у опушки соснового леса, тянувшегося с права верст на пять и принадлежавшего прежде помещику Радомыслову, жившему постоянно в столице и приезжавшему в имение раз в три—четыре года.

Когда парни тихо шагали по проселку, тянувшегося на десятки верст, снег под ногами путников начинал постепенно светлеть и хрустел при том легком утреннем морозе, который не страшен даже и деревенской бедноте.

— И сколько тут земли-то у барина было... — проговорил Коробьин, когда они поравнялись с богатой усадьбой, стоявшей направо и углубившейся в лес.

— Да... было, а теперь она наших да Кисловодских мужиков... — отозвался Андрей.

— А как бы не отняли ее у нас опять... — с опаской проронил Коробьин. — Слышь белогвардейцы, то есть, значит барские сынки да купечество, наступают на бедноту...

— Отнимут, дожидайся... — с некоторой злобой ответил Андрей, обходя небольшой овраг, встретившийся на пути.

Небо начинало освещаться пробивавшимися сквозь тучи лучами солнца. Впереди уже отчетливо виднелась далеко—далеко узкой лентою проселочная темнеющая дорога, а направо попрежнему продолжали стоять сосны и ели, покрытые клоками нависшего на ветвях снега. Коробьин, глядя на лес, невольно вспомнил свою недавнюю сравнительно службу у Радомылова в пастухах. Еще мальчишкой из-за куска хлеба отдал его в экономию столичного помещика, ничего не хотевшего знать, кроме барышей от даром доставшейся земли. Много детских слез было выплакано Василием, когда он полураздетый, а часто и полуголодный бродил вместе с двумя взрослыми пастухами, гоня большое стадо барского скота. Мать Коробьина, вдова, оставшаяся после смерти опившегося мужа, с пятерыми детьми, была рада—радешенька, когда пристроился Василий. Бедно жили Коробьины в своей тесной покосившейся избенке, на самом конце селения Нижней Ольховки. Перебивались, что называется, с хлеба на квас, не имея совершенно надежды впереди зажить лучше. Воспоминания волной нахлынули на Василия, и в нем проснулась злость против вековой несправедливости, царившей в русской жизни.

Припомнил он, как не раз колотили его больно за то, что он упустил из виду теленка; невольно приходило на память Василию, как приказчик часто грозился прогнать его за то, что он, размечтавшись, давал возможность корове сорвать подсолнух с огорода или молодую ветку сирени из барского сада... Грустные картины прежней жизни вставали перед ним...

Вскоре лес окончился, и дорога повела путников к небольшой речке, впадавшей в Волгу и славившейся обиением раков. Сюда Василий ежедневно бывало гонял скотину на водопой. На берегу этой речки, на которой стояло несколько крестьянских мельниц, провел Василий не мало часов своей прошлой жизни, с завистью поглядывая на ребятшек окрестных деревень, ловивших и ста-

рыми бреднями и просто рогожей мелких окуньков. Эта детская забава была не для него. Безрадостно пршло его детство, и в детские еще годы спознал Василий нужду, живя из-за хлеба в чужих людях.

Когда Коробьин с Осиповым перешли реку и направились вдоль ее левого берега, окончательно наступил зимний день. Легкий мороз слегка пощипывал щеки путников, и они ускорили ход, чтобы не озябнуть и поскорее добраться до губернского города, где им предстояло явиться в управление военного коменданта.

Было уже под-вечер, когда Осипов и Коробьин, усталые, вступили в городские окраины.

Легкие, как пух, снежинки начинали опускаться вниз, кружась в холодном воздухе. Было тихо на отдаленных улицах города. Здесь многое напоминало настоящее селение: и дома тут были почти сплошь одноэтажные, и встречались пустыри, огороженные ветхими заборами.

Коробьин и Осипов молча шагали вдоль пустынной улицы, пробираясь к центру города, где помещалось комендантское управление.

Прошло только три недели с тех пор, как деревенские парни прибыли в город, а между тем их нельзя было узнать. То, что прежде им было не совсем понятно, теперь стало ясно. Они оба были теперь в одном полку... на страже власти бедноты...

Был вечер, и в казармах уже зажгли огонь. Андрей сидел у своего столика на кровати и читал написанную простым слогом книгу, поясняющую, чего добиваются для бедного люда коммунисты. Возле Осипова поместился Коробьин, погруженный в свои думы.

— Так ты, Андрей, говоришь, что не будет ни богатых, ни бедных, а будут все лишь рабочими... Я, положим, в поле, ты на заводе... И никто ни в чем не станет нуждаться?... —заговорил, очнувшись от раздумья Коробьин.

— Да.. —отвечал Осипов, подняв на товарища глаза и положив на стол книгу. —Будем, значит, все равны. Кто трудится, тот будет снабжен всем. Не будет тунеядцев—буржуев, которые долго-долго сосали нашу кровь. Ведь, вот погиб мой отец, а за что?... Хозяин даже трешницы не дал на похороны, а мать принуждена была после смерти моего отца побирушкой ходить... Купцу, фабриканту что было за дело до рабочего и его семьи... Он хотел лишь больше барышей... Но этому настал теперь конец...

— А для чего война?... —робко задал вопрос Коробьин.

— Как для чего,—горячась, продолжал Осипов. —Рабочий, значит, да крестьянин теперь от буржуев отбиваются... Буржую не хочется уступать свою власть над нами, и если мы сейчас не стоим за себя, то богач опять нас в бараний рог сожмет...

В казармах было тихо: почти все разбрелись по городу.

Долго слышалась беседа двух солдат, воскреснувших для новой жизни людей... С полмесяца Коробьин и Осипов ходили на занятия в школу, все больше и больше знакомясь с окружающим их миром. Два раза в неделю посещали они и митинги, на которых обяснялся ход войны и мировой рево-

люции. Временами вспоминалась им и родная Ольховка, с которой они сжились. Но они теперь понимали: почему крестьяне, их односельчане, так бедны, и почему так долго их томили подневольной и непосильной работой.

Прошел еще месяц. На станции железной дороги толпилось много народу, главным образом солдат, отправлявшихся на фронт. Паровоз давно поыхивал и тяжело вздыхал, как-будто не желая растаять с городом.

Вскоре началась посадка солдат в вагоны. С мешками и ружьями влезали они в теплушки, подсаживая друг друга.

Андрей и Коробьин поместились в одном вагоне.

На дворе была оттепель, и около вокзала показалась уже сырая, но твердая земля, сквозь которую еще с трудом просачивалась вода. Было то время, когда чувствовалась наступающая весна.

— Садитесь, товарищи. Сейчас поезд тронется. —вскричал громко командир отправлявшейся на фронт роты.

Вылезшие из вагонов солдаты быстро начали вскакивать обратно.

Андрей и Коробьин сидели в вагоне и ждали, когда пойдет поезд. Вот просвистел паровоз, захыхал еще сильнее и мерно загромыхали колеса.

Осипов с Коробьиным уезжали на фронт не теми, какими пришли из деревни. Они словно сразу выросли... Долго—долго были детьми и быстро стали взрослыми. В них зрела уверенность в победе бедняков и укреплялась бодрящая их вера в правое дело.

Андрей стал вполне сознательным человеком и коммунистом.

— Ты еще, может быть, не ясно представляешь... —говорил он Коробьину, когда поезд уже двигался. А я так хорошо знаю, зачем еду... Моя обязанность—защищать своих братьев-бедняков-крестьян от того произвола и насилия, какие чинились над ними веками... Они были темны, раззорены, чем и пользовались помещики да попы, закабалая их. Но пришел конец их мученьям, и мы с тобою, Василий, должны грудью своей отстоять деревенскую бедноту от насильников.

Коробьин молчал, но в душе его накипала злоба против тех, кто так долго угнетал крестьянство и теперь собрался под знамена генералов, чтобы вернуть былую власть над беднотой.

Поезд двигался... Паровоз посвистывал...

Осипов и Коробьин молчали... Но в этом молчании чувствовалась могучая сила крестьянства, проснувшегося для новой жизни.

Альдем.

Красноармейцу.

Верь, товарищ, в свои силы:
Ты могуч, силен—
Враг слабее, но опасен—
Будет поражен...

Ты прославишь себя в битве
За братьев своих—
Знай, что нас освобождение—
Дело нас самих.

Посчитайся ты с врагами...
В ногу! Веселей!
Для себя и для народа
Сил ты не жалеи...

Верь, товарищ, в свои силы
Ты могуч, силен—
Враг слабее, но опасен—
Будет поражен...

Крестьянин *А. Шелунов.*

Песня кузнецов.

В ярких искрах рубинов и золота,
Мы, проклявшие мир угнетения,
Разрушаем ударами молота
Жизнь молчанья, застенки терпения.

Нарушаем мятежным движением
Торжествующих сны беззаботные
И бросаем, как искры в отмщение,
Наши яркие мысли свободные...

И встают перед нами в сиянии
Солнца светлого дали волшебные
Царства счастья, равенства знания,
Где звенят вечно гимны хвалебные...

Так под грохот тяжелого молота
Полны веры, огня вдохновения,
Мы на месте железа и золота
Создадим мир любви, обновления.

Ярко вспыхнут в руках наших факелы,
Зазвучат гимны-песни могучие
В память гордых, кого мы оплакали,
В годы черные, будни тягучие...

Сем. Тихий.

Красный офицер.

Я иду на поле битвы
Защищать социализм—
Смерть моя—молитва
За наш коммунизм.

Для меня идея эта
Солнца ярче и светлей,
Для нея слова обета
Орошу в крови своей.

Свою винтовку в руки
Для того хочу я взять,
Чтоб людские муки
Разом все прервать.

Я не романовский солдат,
Жалкий раб и скот,
Не из барских я палат,
Чтоб не помнить свой народ,

Я иду свободный,
Высоко подняв наш стяг
Защищать судьбу народную,
Чтоб бежал постыдно враг.
Не боюсь я умереть,
Надоело спину гнуть.
Удалось бы гимн пропеть,
В смертный свой вступая путь.

Идти смело вперед,
Другим дорогу пробивать,
Долг меня зовет:
Умереть, но не отступать.
Жизнь прямо направить,
Для своих детей,
Чтобы их избавить
От тяжких цепей.
Чтоб не стало рабства
На земле труда,
Чтоб царило братство,
Светлый рай всегда.

Курсант Ниж. Пехотн. Курсов *Тяпушин.*

* * *

Стройте новую жизнь, обновленья,
Пролетарии, братья, борцы!
Разобьем ненавистные звенья;
Лучшей доли лишь мы кузнецы.

Черных дней уплыла вереница,
Беспросветная мгла унеслась.
Здравствуй, новая жизнь—молодица!
Здравствуй, правда и братство среди нас!

Красноармеец *Николай Герасимов.*

КРЕПОСТНАЯ.

(Рассказ).

Ей было 85 лет, когда она в качестве няни поступила на место к моей соседке. Это была сравнительно еще добрая старушка и преклонные годы настолько пощадили ее, что смотря на старушку, нельзя было подумать, что ей шел девятый десяток и что она, в дни своей ранней молодости, перенесла много горя и скитаний по чужим местам.

Как-то зайдя навестить соседку и не застав ее дома, я завела разговор с няней.

Няня почему-то неохотно отвечала на мои вопросы, но когда я попросила ее рассказать мне о своей жизни, лицо няни оживилось и она согласилась удовлетворить мою просьбу.

Надвигались сумерки. Ребенок спокойно спал в своей кроватке. Старушка, усевшись поудобней на диване, мысленно перенеслась в свое далекое детство, начала рассказ.

— „Давно это было, но в моей памяти никогда не изгладится то тяжелое время крепостного права. Суровое оно было для крестьян и привольное для помещиков, чувствующих себя царьками в своих имениях, в которых они делали, что хотели, не боясь ни суда, ни расправы за свое самодурство и жестокое отношение к своим холопам, живущим в рабстве, боящимся поднять голос против своих господ.

И вот в это тяжелое время родилась я. Родители мои были крепостными одного богатого помещика, но жилось им около барина не важно—приходилось работать на барщину, для себя же оставалось так мало времени, что едва хватало поддержать свое жалкое существование. Ну, понятно, при таких условиях жизни о достатке не могло быть и речи. Барин и барыня были люди суровые, державшие в страхе и подчинении своих крестьян, не заботились о них и жестоко расправлялись с ослушниками их господской воли.

Я была единственным ребенком у своих родителей, и конечно вся любовь их была сосредоточена на мне. По целым дням я не видала родителей, которые уходили с раннего утра на барскую работу, оставляя меня на попечении глухой бабки еле передвигавшей ноги от старости, и только вечером моя мать имела возможность приласкать меня. Утомленная после полевой работы, она брала меня на руки, целовала, ласкала, как-бы вознаграждая меня за мое одиночество.

Но вот настало время, когда мне пришлось растаться с моими родителями. Меня взяли на барский двор, навсегда оторвав от родной семьи.

Много слез пролила матушка, провожая меня, но еще больше плакала я, прощаясь с нею, и меня десятилетнюю девочку, едва могли оторвать от юбки матери, за которую я судорожно цеплялась, прося не отдавать меня господам.

Что могли сделать родители? Разве они могли ослушаться господ? И вот против своего желания отдали господам в услужение последнее свое детище.

Началась новая жизнь для меня. Первое время мне трудно было привыкнуть к барскому дому, я сильно тосковала и просилась к матери, но потом привыкла и смирилась со своим положением.

Меня поместили на кухне и моя обязанность была помогать стряпухе и всем, кому нужна была моя маленькая помощь. — „Анютка, беги туда“, — „Анютка, принеси сюда“... И так бегаешь целый день, а к вечеру так умаешься, что бросишься на постель и уснешь, как убитая.

Матушку с батюшкой редко приходилось видеть. Меня к ним не пускали, а им почему то было запрещено посещать барский дом. Бывало, вырвусь на скотный двор, там у забора кем-то была оторвана доска; вот тут-то мы и виделись с матерью. Сойдемся, поговорим, поплачем и разойдемся в разные стороны. Приду на кухню с красными глазами, дворовые меня спрашивают: — „Что Анютка, или тоскуешь по деревне?..“

Ничего не скажу им и затаив в себе печаль, молча принимаюсь за работу.

Так прожила я два года. Мне было двенадцать лет, когда барыне вздумалось обручить меня с одним молодым парнем. Звали его Федором. Служил он у господ кучером и они были довольны его службой.

Я не знаю, почему именно выбрали меня для него, а не какуюнибудь другую девочку. Впрочем, удивляться не чему. — Я была очень хорошенькой девочкой, пожалуй лучше всех моих сверстниц. Расторопная, услужливая, я привлекала к себе симпатии людей, и на кухне пользовалась особой любовью дворни, которая выхваляла меня экономке, а та в свою очередь хвалила господам. Все это, может быть, способствовало решению барыни отдать меня Федору, чтобы вознаградить его за его верную службу.

Прошло много лет, но я как сейчас помню это время: я была в амбаре и на коленях выбирала крупную картошку для стряпни. Слышу, кто-то бежит к амбару. Смотрю—Агашка, горничная барыни.

— Анютка!—кричит она,—иди, тебя барыня зовет...

— По что?—спрашиваю я.

— Не знаю,—велено позвать.

Я вскочила с колен и отряхнула пыль. Сарафан на мне грязный, рубаха тоже, а идти надо. Иду, а у самой ноженьки трясутся. Горничная проводила меня в кладовую. Смотрю, сидит барыня, а около нея в почтительной позе Федор стоит и руками картуз мнет. Барыня такая веселая смотрит на меня, улыбается.

— Анютка,—говорит она,—я хочу замуж выдать тебя. Вот твой жених,—указывает она на Федора.

Я стою с разинутым ртом и ничего не понимаю.

— Что ты, ошалел, или не понимаешь меня,—сердито вскрикнула барыня.—Вот, бери с полки новую рубаху и я вас „обвенчаю“...

Тут я пришла в себя. Ну,—думаю,—воля барская, ослушаться нельзя—худ будет. Поклонилась барыне в ноги, встала, подошла к полке, где гудкой лежало белье; тянусь за рубашкой, а еще мала—не выросла. Тут подошел Федор и помог мне достать рубаху, сам смотрит на меня так ласково, вижу, жалеет; я тоже на него посмотрела и сразу почувствовала доверие к нему. В этот же день меня

обручили с ним и на правах обрученной мне пришлось жить у него.

Нечего говорить, хороший был Федор. Он смотрел на меня, как на ребенка, не обижал и заботился обо мне. Бывало понаделает кукол, нашьет им платьев и начнет забавлять меня, а я и рада, что со мною играют. И так хорошо мне было у него, что бывало скажешь ему:

— Ах, дяденька, как мне хорошо у тебя.

А он мне в ответ:

— Да и мне, Анюта, не плохо с тобой.

Так мы прожили три года. Родители мои навещали меня, радовались моей жизни и были довольны Федором, который почтительно к ним относился.

Мне стукнуло пятнадцать лет. Наступил день, в который мы должны были повенчаться. Грустный сделался Федор. Смотрю на него и не узнаю своего „дяденьку“. По молодости лет, я не понимала всей этой барской гнусности и не знала обычая дворового, что после венца новобрачную отдают не мужу, а барину, и только на другой день отпускали ее к молодому. И вот после венчания пришли меня требовать к барину. Как узнала я, что им нужно, да как закричу на весь дом:—Не пойду к нему, не пойду!.. Кинулась к Федору, бух ему в ноги.

— Милый, не отдавай меня. Лучше убей, но не отдавай. А сама цепляюсь за него, бьюсь головой о его колени.

Обнял меня Федор, жалко ему стало, вижу по глазам, что жалко.

А там ждут... От барина второй посол прибежал, меня требует...

Наклонился ко мне муж и тихо так на ухо говорит:

— Иди, Анюта, не перечь—хуже будет... Все равно я не дам ему мучать тебя...

Послушалась я его, встаю, оправилась.

— Идем—говорю послу, а сама умоляюще смотрю на Федора, как бы говоря: не допусти, выручи...

Прихожу к барину, а барин у нас такой противный, жирный был. Лицо бритое, с подбородком, глаза маленькие, крысиные, так и светятся плотоядным огоньком. Как увидал меня, так и расплылся в улыбку.

— Что, красавица, замешкалась или видно не охота на поклон к барину идти.

Я молчу, потупилась, а сама про себя молитву шепчу:—Господи, не допусти, сохрани...—может быть барин добрый, пожалеет...

— Барин, голубчик, отпустите меня к Федору, я с ним закон приняла... умоляющим голосом прошу я его.

Как захохочет он, и брюхо его жирное так и затряслось все, а потом вдруг и насупился.

— Ты что же, упрямячуть!.. А на конюшню хочешь?—Сердито произнес барин, подходя ко мне.

Я ему в ноги.

— Пощадите,—говорю—бога за вас молитву буду. А сама вся дрожу от страха.

— Ну, раздевайся, я не люблю ждать—закричал он.

Точно гирями железными сделались мои ноги и я не могла их сдвинуть с места.

Барин разсердился.

— Ты что же, шутишь со мной? А-а-а, если так...

Он схватил меня за рубашку, да как рванет.

Я закричала.

Барин рассвирепел, вцепился в мой сарафан руками, приподнял, бросил в постель и навалился на меня своим грузным телом. Мне трудно было дышать и я чуть-чуть не задохнулась под ним. Еще минута и свершилось бы грязное дело, но... мне на выручку пришел муж. Барин забыл запереть дверь и Федор свободно вошел. Лицо его было ужасно... В одно мгновение он очутился около постели. Блеснул нож, и не успел барин опомниться, как рукоятка ножа торчала в его спине и он грузно свалился на пол, освободив меня.

Я вскочила, вся дрожа как в лихорадке.

— Милый, что ты наделал—со страхом говорю я Федору.

— Анюта, я муж тебе. А что порешил его, то „собаке—смерть собачья“. За всех девок я отплатил ему.

Он брезгливо посмотрел на убитого и схватил меня за руку.

— Идем, Анюта, бежим отсюда...

Он распахнул окно и выпрыгнул в сад...

Долго бежали мы, боясь погони. Вот уж заря стала заниматься, а мы все бежим и бежим. Вдали показался лес. Мы перебежали пространство, отделяющее нас от леса, и очутились в густом лесу.

Тут мы расположились у широкого дуба. Силы изменили мне. Я опустилась на землю и тут же уснула. Долго-ли продолжался сон—не помню, но только слышу, что меня кто-то дергает за рукав, но очнуться не могу.

— Вставай, Анюта, пора...—раздался надо мною голос Федора.

Я открыла глаза и сразу еще не могу сообразить, где я. Смотрю, ночь на дворе, и через вершины деревьев проглядывает светлый серп месяца. Ноги мои от ходьбы ноют. Голова кружится...

Федор помог мне подняться и участливо спросил здорова ли я.

Мы вышли из леса. Ночь была светлая, идти хорошо, только жуть берет с непривычки, мы идём по опушке и каждое дерево кажется мне гигантом, протягивающим свои длинные руки... Я невольно закрываю глаза и, схвативши Федора за руку, иду ощупью, по временам натываюсь на кочки.

Но вот перед нами поле. Лес со своими гигантами остался позади. Тут я почувствовала приступы голода и вспомнила, что со вчерашнего дня ничего не ела. Горло пересохло—жажда мучила меня. Я выразила желание напиться, но по близости не было воды.

— Потерпи, Анюта—успокаивает меня Федор—вот скоро до деревни дойдем, там все будет.

И я опять терпеливо шагаю за ним, поддерживая себя надеждой получить кусок хлеба и утолить жажду.

Долго-ли коротко-ли мы шли, но только стало чуть-чуть светать. Я измучилась, устала, ноги подкашиваются и чувствую я, что силы оставляют меня. И казалось мне, что я упаду от слабости и не могу подняться.

— Не могу дальше идти,—сил нет—жалуюсь я Федору.

— Ах, болезная моя. Ну что я с тобой поде-лаю,—с сокрушением говорит он, останавливаясь.

Потом Федор взял меня на руки и, прижав к своей широкой груди, зашагал вперед.

Спокойно и хорошо было мне у него на руках. Родным казался мне в эту минуту Федор и я чувствовала и понимала, что ближе его у меня сейчас никого нет. Перед моими глазами промелькнули три года, которые я провела около Федора. Его забота обо мне, куклы... убийство барина... все это говорило мне о том, что Федор любит меня, и я, обняв его шею руками, еще доверчивее прижалась к нему.

Вдали показалось какое-то селение и роца.

Федор поставил меня на ноги.

— Ну, Анюта, в этой роце мы должны отдохнуть до вечера.

— А почему не там?—задаю я вопрос, указывая на избы.

— Опасно, неровен час и наткнешься на кого...

— Поесть бы достать... несмело произнесла я, чувствуя как сосет у меня под ложечкой.

— А вот дойдем до роци, ты сядешь, отдохнешь, а я схожу на деревню, авось Христареди и подадут что.

Вот и роца. Под ногами роса. Я выбрала посуше место и опустилась на землю. Федор сел около меня. Видно и он, сердешный, утомился изрядно. Жалко мне стало его. Я положила свою голову к нему на колени, и молчаливая ласка моя тронула сердце Федора. Он погладил меня по голове, вздохнул и задумался. Тяжело ему, бедному, но не умел он жаловаться и только изредка тяжелые вздохи доказывали его душевное состояние. На меня он смотрел, как на ребенка и ни разу во время пути не проявил своих супружеских прав, а у меня не было даже сознания, что этот человек как муж, имеет власть надо мною.

Тихо, спокойно в роце. Как-то невольно проникаешься этой тишиной и все, что раньше страшило и волновало, все это ушло куда-то далеко. Не было страха, что нас накроют, вернут и тогда... прощай свобода. Конюшня, розги, каторга... А тут так хорошо, так тихо, что кажется всю бы жизнь провела здесь под открытым небом.

— Ну Анюта, посиди, я пойду... прерывает мои мысли Федор.

— Иди,—говорю я—только не долго,—боязно мне одной...

— У—у, глупая. А бог. Разве человек может быть один? Не бойся, я живо.

Федор ушел. Я растянулась на траве, закинула руки за голову и стала смотреть на небо, прислушиваясь к удаляющимся шагам мужа.

Тишина, одиночество подействовали на меня и мои глаза, как—то невольно закрылись. Я уснула. Мне приснился сон, что будто-бы за мной гнался барин и все грозил мне кулаками, требуя вернуться. Я плакала во сне и звала к себе Федора и вдруг чувствую, что падаю в какую-то глубокую яму. Это было для меня так неожиданно, что я вскрикнула и проснулась. Передо мною стоял Федор. Когда я приподнялась, то мне первым долгом бросилось в глаза каравай хлеба и кувшин молока. Я протянула руки и с жадностью прильнула к кувшину, а Федор стоял и наблюдал за мною. Когда я насытилась, он протянул мне ломоть черного хлеба и сказал:

— Подкрепись, скоро идти:

Я взяла хлеб и принялась жевать. Чудный хлеб! Никогда он раньше не казался мне таким хорошим, вкусным, как сейчас, я ела с большим удовольствием.

Солнце уже закатилось, когда мы вышли из роци. И опять потянулись перед нами леса, проселки, поля и все дальше уходили мы от родных мест. Федор хорошо знал дорогу. Днем мы отдыхали где-нибудь, зарывшись в канаве или в лесу, а вечером шли дальше. В деревнях мы Христовым именем добывали себе хлеб, но бывали дни, когда нам приходилось питаться одними овощами, которые Федор потихоньку выкапывал в каком-нибудь огороде. По утрам было свежо. Часто покрытые росой, мы дрогли от сырости, а иногда дождь промачивал нас насквозь и мы не имели возможности где-нибудь обсушиться.

С непривычки к ходьбе у меня стали пухнуть ноги и Федор, желая облегчить мне путь, все чаще и чаще брал меня на руки, мужественно неся на себе всю тяжесть скитальческой жизни.

Одежда наша изрядно потрепалась и приняла жалкий вид. Я думала про себя: когда же наступит конец нашему скитанию, и Федор, как бы читая мои мысли говорит мне:

— Вот скоро степь, а там и Крым...

— Какой Крым?—спрашиваю я.

— А такой, где крымские татары живут и мы там устроимся, а то уедем в Турцию.

— А это далеко?

— За морем. Сперва будет Крым, потом море, а там и Турция.

— Не хочу в Турцию. Лучше будем в Крыму жить.

— В Крыму, так в Крыму, мне все равно,—соглашается со мной Федор.

— А Крым большой?—спрашиваю я.

— Говорят большой,—не знаю, вот придем увидим.

Мы умолкаем и каждый из нас погружается в свои думы. Перед моими глазами рисуется картина свободной жизни, я стараюсь себя подбодрить ею, и не смотря на усталость, иду навстречу тому будущему, манящему меня к себе.

Где—то залаяли собаки. Недалеко от нас раскинулась какая-то деревуша. Беленькие хатки, так приветливо притягивали к себе своей чистотой и опрятностью. Федор говорит, что тут живут Малороссы. Подходим ближе. В крайней избушке блеснул огонек и какая то тень мелькнула в окне.

— Подойдем к окну,—предложил Федор,—авось не откажут в милостыни.

Я согласилась. Мы тихо постучались в окно.

Окно поднялось и высунулась голова старухи.

— Шо вам, панове?—спросила она.

— Прохожие, бабушка, из далека...—ответил Федор.

— Про-хо-жие,—протянула старуха—зидкиль ви? Ходь до хаты, парубок.

Окно опустилось. Через минуту щелкнула щеколда и нас впустили в светлую, чистую горницу. В углу стояла божница. В простенке между окнами висело небольшое зеркало с расшитым полотенцем. Земляной пол был чисто выметен. Стены и все убранство комнаты тоже отличались своей чистотой и опрятностью. Старуха усадила нас за стол, поставила перед нами простоквашу, нарезала хлеба и с поклоном отошла в сторону. Мы с жад-

ностью голодных людей набросились на еду. Когда мы насытились и поблагодарили ее, она стала нас спрашивать, куда мы идем и откуда. Федор выдумал целую историю. Он сказал ей, что мы пробираемся в Крым навестить больного отца, и что в дороге на нас напали недобрые люди, которые взяли деньги, отняли одежду и оставили нас ни с чем.

Покачала головой старуха и пожалела нас.

— Що ви, родинькие, злякались?. Помогу вам ради бога, ради душеньки своей. Тоби дывчина дам новую панову дони моей, пусть она у богови радуется за тебя. А тебя, парубок, наряжу сыночком моим.

И нарядила нас старуха, так что узнать трудно. На Федоре высокая шапка, широкие шальвары и зипун, а на мне короткая клетчатая юбка, рубашка, расшитая узорами, сапожки с подковками и даже монисто из бус. Стоит старуха и любитесь мною.

— Ах, доню, доню. Що за краля писана!

Смеется Федор.

— Ты, бабушка, не сглазь ее.

Замахала старуха на него руками и ну отплевываться, креститься. Смешно нам с Федором, а у самих душа переполнена благодарностью к ней. Стали благодарить ее, а она:

— Що ви, родинькие, для бога я, мне не треба, а сыночко сам наживет.

Рассказала она нам, как дочка у нея умерла и при ней остался один сын, да и тот в отлучке находится, уехал в город на ярмарку, и вот ждет его, и скучно ей старой одной сидеть. Много она нам порассказала про жизнь свою, так что всего не упомнишь. Добрая была старуха. Она предложила нам остаться погостить у нея, но Федор отказался, ссылаясь на больного отца, и она не стала нас удерживать. На дорогу старуха дала нам целый мешок провизии, тут были яйца, ветчина, лепешки, сыр и даже колбаса. Проводив нас за околицу, она тихонько сунула Федору в карман два червонца и просила нас на обратном пути завернуть к ней. Мы обещали, и, простившись с нашей благодетельницей, отправились в путь.

Перед нами была ровная дорога, по краям которой тянулись бахчи с дынями, арбузами, которыми мы лакомились на своем пути. Что может быть лучше и вкуснее дыни или красного, спелого куска арбуза для нас, не видавших ничего хорошего, вкусного!

Но вот миновали бахчи. Перед нами бесконечная, как небо, степь. Ветерок ласкает и освежает наши лица. Высокий ковыль гордо колышится и шуршит при малейшем дуновении ветерка. Разноцветные пестрые бабочки порхают над нами и кружась улетают в даль.

Теперь мы не прятались от людей. Принарядившись в чужие костюмы, мы бодро шли по дороге и нас вполне можно было принять за малороссов. Вышитая крестом рубашка очень шла к моему лицу и Федор, шедший впереди, часто оборачивался назад, чтобы полюбоваться на меня. Во мне в первый раз проснулось кокетство. Я сплела себе венок из степных цветов и покрыла им голову, думая про себя: вероятно я теперь еще лучше стала. Ах, молодость, молодость, как она глупа и самонадеянна!

По дороге нам часто попадались арбы, нагруженные виноградом, арбузами и другими продуктами. Ночью мы ночевали около чумаков, которые разводили костры и варили себе пищу. Чумаки были люди гостеприимные и часто угощали нас похлебкой или кукурузной кашей и никогда не спрашивали, кто мы и откуда. По ночам чувствовалась свежесть. Тогда Федор снимал с себя зипун и заботливо прикрывал меня. Это меня трогало. Тут, в степи, я в первый раз узнала ласки мужа и стала ему женой. Это нас еще больше сблизило. Я стала замечать за собою, что и я не остаюсь равнодушной к его ласкам. Я часто подходила к нему, бросалась на шею и ласкаясь целовала это мужественное, загорелое, дорогое для меня лицо. Я чувствовала что все больше и больше начинаю любить Федора, а он, замечая это, тихо радовался своему счастью и старался удвоить свои ласки, заботливо представляя мне удобства, какие только можно было найти в дороге.

И так мы прошли всю степь и очутились в Крыму. Тут мы раздобылись фальшивым паспортом и мой муж сделался мещанином г. Саратова Иваном Степановичем Щукиным, а я его законной сожительницей Агафьей Сидоровной.

С таким паспортом Федору не трудно было найти место и он вскоре поступил приказчиком к одному богатому татарину, имеющему в Симферополе магазин с красным товаром.

Я скажу несколько слов о своем муже. После смерти родителей он остался круглым сиротой. Один сельский дьячек сжалился над ним, взял его к себе и обучил грамоте. Надо заметить, что в то время было мало грамотных людей, и Федору, как знающему грамоту, легко было пристроиться. Хозяин, у которого пришлось служить моему мужу, был доволен новым приказчиком и через три месяца сделал его главным при магазине.

Наша жизнь потекла мирно и спокойно. Муж любил меня и часто баловал, исполняя мои еще чисто детские капризы; но это не портило наших отношений, а напротив, вносило разнообразие в нашу семейную жизнь. К году у меня родился мальчик, которого в честь моего отца, назвали Иваном. Роды были трудные и после рождения первенца у меня не было больше детей. Мужа огорчало мое бесплодие и, потеряв надежду еще иметь детей, он всецело предался воспитанию нашего сына. Когда мальчику исполнилось семь лет, Федор стал учить его грамоте, а по двенадцатому году взял к себе в магазин.

Мы жили хорошо, с достатком, и я могла бы себя считать счастливой, если-бы не тоска по родине. Я часто думала о своей матушке, вспоминала труженника отца, обремененного барской работой, и мои мысли переносились туда, к ним, где они оплакивали мое внезапное исчезновение. Бедные родители. Как хотелось мне послать им весточку о себе, но боязнь за мужа удерживала мой порыв и мне делалось так грустно и тяжело за свое фальшивое положение.

Я никогда не могла привыкнуть к Крыму. Сорока-градусная жара утомляла и расслабляла меня, жительницу севера. Голубое, безоблачное небо не представляло для меня никакой прелести и я часто вспоминала наше серенькое небо, холодные зимы, снег, мороз и все чаще и чаще предавалась мечте о нашем возвращении на родину.

Наступил 1860 год. Разнесся слух, что крестьянам хотят дать свободу. Мы с трепетом прислушавались к этим толкам, но они скоро затихли. На другой год, я как сейчас помню, прибежал домой Федор. Он был так взволнован и так запыхался от быстрой ходьбы, что я даже не поняла, что он говорит:—„Воля, манифест... Свобода“...

— Какой манифест, чья свобода?—спрашиваю я.

— Всем свобода. Наша свобода? Молись богу, Анюта,—уничтожено крепостное право.

Тут только поняла я, что говорит муж. Слезы брызнули из глаз и я, опустившись на колени перед иконой, поблагодарила господ за наше освобождение. Когда я встала с колен, смотрю и Федор плачет радостными слезами; кинулась я ему на шею, а сама от радости слова не могу вымолвить.

— Анюта,—говорит муж,—мы свободны... Теперь можно вернуться на родину.

— Ах, голубчик мой—говорю я ему,—стосковалась я по ней, ведь шутка-ли сколько лет живем здесь, а все чужая—не родная сторона.

— Да, да, Анюта, ты правду говоришь,—соглашается со мной муж, и радостный уходит в магазин, чтобы покончить с делами и приготовиться к отъезду.

У нас были кое-какие сбережения, приготовленные на черный день, и это облегчило наш отъезд. Сборы были не велики: все лишнее продали и, наскоро уложив в корзины что надо, простившись с хозяином, который в виде награды дал Федору 300 руб. за его честную службу, мы двинулись в путь.

Перед нами была опять стена, по которой мы шли когда-то в Крым, и невольно вспомнились все наши мытарства. Вспомнила я и добрую старуху, так гостеприимно открывшую нам дверь своей хаты. И вдруг захотелось мне исполнить данное ей обещание—на обратном пути навестить ее. Я сказала об этом мужу и он исполнил мое желание.

Но какое разочарование меня ждало по приезде к ней! Изба нашей благодетельницы была пуста. Окна заколочены досками. Изгородь поломана и все говорило о том разрушении, которое бывает только через десятки лет. Кое-кого мы расспросили о старушке. Оказалось, что она давно умерла, а сын женился и перебрался в город.

Проезжая мимо тех мест, где мы с мужем шли голодные, усталые, я мысленно переносилась туда, в имение наших господ, где много было прожито тяжелых минут. Моим глазам представилась приготовленная для меня брачная комната, где лежало грузное тело убитого барина, не успевшего насладиться непорочным телом чужой жены. И гадко, омерзительно стало на душе. Я тяжело вздохнула.

— Что вздыхаешь, Анюта?—спрашивает меня муж, заглядывая мне в глаза.

— Так, ничего... уклончиво отвечаю я, не желая огорчать его своим воспоминанием и напоминать ему о прошлом.

— Он благоразумно замолчал и я опять погружилась в свои думы.

Ехали мы долго, меняя на станциях лошадей. Дорога утомляла меня и я часто дремала, прислушиваясь к монотонному побрякиванию бубенчиков. Наконец, показались и родные места. Вдали виднелся барский дом, службы, сад, примыкавший к

лесу. А вот и деревня, где бегала я маленькой девочкой, ее и узнать нельзя. Построены новые избы, хотя рядом с ними лепились и старые избушки, покосившиеся от времени, но все еще державшие на себе полусгнившую соломенную крышу.—Жив ли отец с матушкой,—думаю я, отыскивая глазами родную избу. Но ее нет,—место заросло бурьяном. Сердце дрогнуло у меня, когда мы ближе подехали к этому месту.

— Где вы, милые мои труженники. Что не встречаете дочку свою?—грустно в полголоса говорю я, а слезы так и текут по щекам, не могу удержать их.

— Полно, Анюта, убиваться,—ласково говорит муж—Смотри, сюда кто-то идет...

Я вытерла глаза, оправилась и оглянулась.

К нам подошел какой-то мужичек. С любопытством окинув нас взглядом, спросил, чьи мы и откуда. Нам не хотелось говорить правду и назвались дальними родственниками Ивана Чапанова (так звали моего отца).

Мужик сообщил нам, что Иван Чапанов и жена его Аграфена умерли в тот год, когда у них пропала дочь...

Я перекрестилась, едва сдерживая слезы.

Мужик рассказал нам про убийство барина, как несмотря на розыски, убийцу не пришлось найти, и что после убийства, барыня продала свое имение богатому соседу—помещику, а сама уехала за границу, где и померла.

Мы поблагодарили мужичка за его рассказ и двинулись дальше.

Я взглянула на Федора, и мы поняли друг друга. Теперь нам нечего было опасаться—смерть барыни окончательно развязала нам руки. Признать Федора в деревне тоже не могли, так как Крым и свободная жизнь сделали из мужика барина, одетого в приличный костюм, с подстриженной бородкой и шляпой на голове.

Мы остановились на постоялом дворе. На другой день навестили кладбище и, помолившись над могилой родителей, тут же решили ехать дальше, выбрав для места жительства г. Владимир.

По приезде туда мы сняли небольшую квартиру из двух комнат, в которых уютно устроились. Муж с сыном поступили на место и мы зажили ничуть не хуже Крыма. Одно меня огорчало: Федор стал прихварывать, и я с каждым днем замечала в нем перемену. Он осунулся, похудел, его походка сделалась какой-то странной, и он ходил, едва передвигая ноги. Ну, думаю, дело плохо, как бы не слег мой Федор.

Посоветывавшись с сыном, мы решили пригласить доктора. Сказав мужу об этом, я была крайне огорчена и удивлена его словами.

— Не поможет,—сказал он—я чувствую, что недолго мне быть с вами...

— Да что с тобой Федор, скажи, чем ты болен?

— Сам не знаю, а болен, вот и ноги пухнут...

Я посмотрела на его ноги—и впрямь опухли, как бревна сделались. И досадно мне стало на себя: не могла заметить раньше болезнь мужа. Где были мои глаза. И стала я упрекать себя в своем нерадении к мужу. Говорю сыну:

— Иди за доктором,—отцу плохо... Сын выслушал мои слова, оделся и ушел, расстроенный болезнью отца.

Я посмотрела на исхудалое лицо Федора и подумала: давно ли был молодец молодцом, а теперь... И жаль мне стало моего доброго мужа, с которым я прожила столько лет душа в душу, не ссорясь, не бранясь. Жизнь наша сложилась по-хорошему. С паспортом все уладилось и опять мы стали теми, какими были раньше. Сын почтительный, горя нам не доставляет, вина не пьет, табак не курит, живет, как красная девица и сердце наше родительское тешит. Жить бы нам, да жить, а тут болезнь... Откуда она взялась и когда он захворал ею—ничего не знаю. А Федора жаль, жаль его сердешного, золото он, а не человек. Только все вздыхает, видно вспоминает, бедный, свое прошлое и загубленную им жизнь барина... „Собаке и смерть собачья“... Вспомнились мне слова Федора. И правда: Худая трава и из поля вон, не он, так другой бы порешил его. Ведь не мало через этого барина девок погибло. И вспомнилось мне, как будучи еще ребенком, при мне выдали замуж одну дворовую девку, и тоже отвели к барину, а на

другой день она повесилась на сеновале. Не снесла, голубушка, позора чести своей и наложила на себя рученьки. Я в ту пору глупа была и не понимала, почему удавилась Дарья, а разяснить мне было не кому. И вот позже после свадьбы передо мною часто вставал образ загубленной девки... Помню, как все жалели эту Дарью. Тихая была она, скромная, работающая. А молодой-то как убивался по ней:—„Убью,—кричит барину,—зарезу“...

Ну его, конечно, в солдаты.

При прощании жаловался он на судьбу свою:—„и зачем—говорит—она покончила с собой, все равно и с ребенком взял-бы ее“...

И похоронили бедную Дарью как грешную душу... А кто виноват в ее смерти? Все тот же барин.

Слава богу—теперь нет этого. Прикончилась тирания помещиков. Сгинуло рабство. Кончилось владычество дворян.

М. Орельская.

(Окончание будет).

В Ъ Ю Г А.

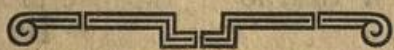
Разодетая в богатый
Саван, шитый серебром,
Вьюга ведьмою косматой
Пролетала с помелом.
Всю-то ночь, крутясь на воле,
На сугроб мела сугроб,
А на утро где-то в поле
Улеглась в свой белый гроб.

Алексей Суслов.

МУЖИК.

С виду невзрачен,
Собой не велик,
К каждой работе
Он с детства привык.
Поле вспахать—ли,
Иль молотить,
Иль на заводе
В кузнице быть.
Все он сумеет,
Сметлив на все;
Горе—невзгоды
Не тронут его.
Тверд он, как камень,
Скуп на слова...
Сердце—как пламень,
Ум—голова.

Ив. Назаров.

Из истории Французской революции.

(Стихотв. Барбье, перев. Курочкина).

Когда взошла заря
И страшный день багровый—народный день
настал,
Когда гудел набат и страшный дождь свинцовый
По улицам хлестал—

Когда Париж взревел,
Когда народ воспрянул
И массой стал велик,—
Когда на гул старинных пушек
Грянул свободы ярый крик—
Конечно, не было там видно ловко сшитых
Мундиров наших дней,
Там действовал напор лохмотьями прикрытых
Запачканных людей.
Чернь грязною рукой там ружья заряжала

И закопченным ртом в пороховом дыму
 Та „сволочь“ восклицала — „Ну, черт возьми,
 умрем“.
 А эти баловни—в натянутых перчатках, в батисто-
 вом белье,
 Женоподобные, в корсетах, на подкладках—
 Там были под ружьем?
 Нет! Их не было,
 Когда все низвергая
 И сквозь картечь стремясь,
 Та чернь великая
 И „сволочь“ та святая
 К бессмертию неслась.
 Их не было ввиду, их не было в помине,
 Средь общей свалки там—
 Затем, что, видите—ли свобода не графиня,
 И не из знатных дам,
 Которые, нося на истощенном лице
 Румян карминных слой,
 Готовы в обморок при первом падать крике,
 Под первую пальбой!
 Свобода—женщина с упругой мощной грудью,
 С загаром на щеке,
 С зажженным фитилем,
 Приложенным к орудию,
 Дымящимся в руке.
 И голос у нея—не девственный сопрано:
 Ни жерл чугунных ряд,
 Ни звон колоколов,
 Ни шкура барабана
 Его не заглушат
 Свобода—женщина, но в сладострастьи щедром
 Избранникам верна;
 Могучих лишь к своим приемлет недрам
 Могучая жена.
 Ей нравится плебей,
 Окрепнувший в проклятьях,
 А не гнилая знать,
 И в свежих, кровию дымящихся объятьях
 Ей любо трепетать.

Когда то ярая, как бешеная дева
 Явилась к нам она,
 Готовая дать плод от девственного чрева—
 Грядущая жена.
 И гордо вдаль она при криках искупленья
 Свой простирала ход.
 И целые пять лет
 Горячкой вождельня сжигала весь народ.
 Да! Это все она с отрадной речью
 Являлась нам в стенах избитых ядрами,
 Испачканных картечью,
 С улыбкой на устах!
 Она—в ланитах жизни краска,
 Ея дыханье горячо;
 Лохмотья, нагота и красная повязка
 Чрез голое плечо.
 Она!.. В трехдневный срок
 Французам жребий вынут—
 Она!.. Венец—долой!
 Измята армия. Трон скомкан, опрокинут
 Кремнем из мостовой
 И что—же.. О, позор!
 Париж, столь благородный
 В кипеньи славных сил;
 Париж, где некогда великий вихрь народный
 Власть львиную сломил;
 Париж, что некогда как купол храма
 Всемирного блистал—
 Сталныне капищем нечистоты и срама—
 Помойной ямой стал,
 Вертепом подлых душ,
 Мест ищущих лакеев,
 Паркетных шаркунов,
 Просящих нищенски для рабской их ливреи—
 Мишурных галунов;
 Бродяг, что рвут лишь Францию на части,
 И сквозь пинки, толчки,
 Визжа, зубами рвут
 Издохшей тронной власти
 Кровавые клочки.

Почему необходимы гражданская война и всеобщее военное обучение?

Пока темен человек и прост, он охотно верит во всякие чудеса.

Не знает человек, что за сила такая гром создает, тучи грозовые собирает, реки волнует,—идет к знахарю или к попу, а те отвечают, что это божья сила, что бог сердится на человека и может ему вред причинить.

И поп и знахарь охотно принимают на себя посредничество между богом и темным человеком, взимая за это мзду и живя бесбедно.

Предприятие это оказалось настолько выгодным, что попы и знахари окружили темных людей таким количеством всяких божков да леших, водяных да упырей, что темные люди во всякой вещи стали видеть нечисть, а чтобы задобрить эту нечисть через посредников—через попов да знахарей—понесли им то, что своими трудами добывали.

Ясное дело, каждому человеку хотелось обеспечить хорошие доходы с своего хозяйства, между тем нечисть, по словам попов

да знахарей, всякую пакость да разорение причиняет.

Тяжело трудящемуся человеку накопить богатство, а попы да знахари, получая мзду за свое, якобы, посредничество, приобрели богатейшие одежды и, не трудясь, столько собрали всего, что стали скоро князьями земли.

Рядом с князьями—чудотворцами появились князья военные, которые тоже выросли на нужде да на темноте человеческой. В старину люди жили малыми поселениями да племенами, постоянно враждовали между собою, и воинное дело считалось тоже выгодным предприятием. Благодаря войне можно было много награть чужого добра и так напугать людей, что они соглашались платить дань победителю. И самый крупный разбойник захватывал себе также много, что становился не сметно богат и требовал себе так же божеских почестей.

Потом появился промышленник, который тоже начал сначала делать важное общественное дело—доставлять из места в место, из страны в страну товары разные,— а потом об'явил и товары, и фабрики, и заводы, и машины разные своей собственностью и стал также богат и могуч.

Все они вместе стали владеть и управлять землей, у каждой вещи поставили начальника—у земли, у машины, у фабрики и завода, и сказали: это мое и это мое, и не смей этого трогать, над всем почиет благодать божия и если возьмешь, то бог накажет тебя—рука отсохнет.

И об'вели свои владения границами.

Трудящиеся люди не могли разбогатеть от трудов своих, наоборот, все беднели, так как приходилось отдавать часть доходов попу, часть разбойнику—царю, часть промышленнику—капиталисту,—стали волноваться.

А поп, царь да капиталист создали свое правительство, министров своих да армию.

В министры поставили своих людей и сказали им: думайте, как лучше сделать, чтобы богатства наши приумножились да чтобы темные люди правды—матки не узнали и не отняли бы богатства наши.

А в армию стали набирать тех самых трудящихся, которые все беднели и выражали недовольство. Стали их сдавать в солдаты.

Но жизнь трудящихся все ухудшалась, у крестьян земли было столько, что курицу выпустить некуда, а рабочие зарабатывали

гроши—и расло количество безработных. Росло и недовольство.

И министры стали совет держать.

—“Поверьте, Сергей Юльевич,—говорил царский министр внутренних дел, Плеве, другому министру, Витте,—маленькая победоносная война, как ничто другое, поможет нам выйти, из своих затруднений нынешнего внутреннего положения...”

Капиталисты к этому присоединились, попы крестом благословили—и началась русско японская война, выгодная для правящих классов.

Так же началась и война 1914 года.

Каждый день войны требовал расходов: в начале войны в 1914 г.—8 мил. руб. в сут. в конце 1915 и 1916 г.—31 мил. “ “ в 1917 г.—50 “ “ “

Создано было 13 армий, их надо было прокормить. Для 3-х армий только одного западного фронта, требовалось ежедневно продуктов: муки— $\frac{1}{2}$ миллиона пудов в сутки, 18 миллионов пудов в месяц; крупы—150000 пудов в сутки, $\frac{1}{2}$ миллиона пудов в месяц; рогатого скота—10000 голов в сутки, 300 тысяч голов в месяц; фуража—1 миллион пудов в сутки, 30 миллионов в месяц.

И хлеб и деньги взыскивались с трудящихся, от них же требовалось и пополнение армий людьми.

Трудящиеся запугивались, загипнотизировались призраком внешней опасности, внимание их было отвлечено от внутренних вопросов к внешним, этим капиталисты, попы, министры, цари думали прекратить внутренние раздоры, уничтожить классовую борьбу, сделать бесспорной существующую власть и частную собственность.

Так как волнения трудящихся не прекращались, началась революция, то людей, стоящих у власти сменили, царя убрали, министров других назначили, а дело-то оставили в прежнем положении. Опять продолжали войну, шли в наступление, словом, политику-то оставили прежнюю.

Это было в то время, когда царских министров: Протопопова, Сухомлинова, Риттиха и друг., сменили Гучков, Миллюков, князь Львов, Керенский, словом сама буржасия со своими прислужниками оказалась у власти.

Но музыку свою они стали разыгрывать по старым нотам.

И пока разыгрывали они эту музыку, в нашей стране случилось два чуда: во-первых совершенно пропал хлеб. Оказалось, что во время войны страна превратилась в нищую.

Пропали не только хлеб, но и топливо. Вот ряд фактов того времени, т.е. 1916-17 г.г. Одесса, 18 декабря 1916 г. Закрылся, за недостатком топлива, газовый завод, что вызвало остановку работ на некоторых других заводах и в университете.

Киев, 19 декабря. По заявлению командующего Киевского военного округа, почти совершенно нет топлива.

Москва, 20 дек. Городской голова Челноков уведомляет градоначальника, что отсутствие муки принимает катастрофический характер.

В 1917 г. сообщают из Твери о признаках голода; в Кашине, Тверской губ. голод, в Орле нет хлеба, в Нижегородской губ., в северных уездах, голод, появились цынготные заболевания на этой почве.

В Москве прекращается уличное освещение, в комнатах поддерживается 5 градусов тепла.

К концу 1917 г. положение еще ухудшается, голод охватил всю страну.

Тут случилось второе чудо: трудящиеся поняли хитрую механику жизни и сказали:

Никто не даст нам избавленья:

Ни царь, ни бог и ни герой,

Добьемся мы освобожденья

Своею собственной рукой.

С октября 1917 г. власть перешла в руки трудящихся, пролетарских слоев.

То, чего пуще огня боялись цари, попы капиталисты и их приспешники, произошло. Правда—матка обнаружилась. Но страна была разорена. Израсходованное в миллиардах пудов, в миллиардах рублей сразу не вернешь

К тому же капиталисты, попы, вся свора злая стали рвать и метать: заморить трудящихся голодом, помешать им хозяйничать, пойдём на них войной! И пошли. Подбили чехо-словаков, создали отряды белой гвардии, позвали на помощь кулаков да иностранных королей и капиталистов.

Так началась гражданская, классовая война.

Класс трудящихся не хочет войны, но ему войну навязывают те самые капиталисты, которые кричат ему: сдавайся, отдай землю, отдай фабрики и заводы, все отдай.

—Да ведь вы нас с голоду уморили, вы нас заживо в землю зарываете,—отвечают трудящиеся, пролетарские слои.

—Все равно, сдавайся,—кричат капиталисты, попы, короли, кулаки.

—Ну, коли так, отвечает класс трудящихся, пролетариев, давай воевать. Нам все

равно выхода нет: либо вам в лапы попасть, либо вас победить.

А ведь еще Маркс сказал, что в этой гражданской войне пролетариат потерять может только цепи, а завоевать весь мир.

Но войну всякую, в том числе и гражданскую, можно вести только организованным путем.

Наши враги, т.е. капиталисты, короли, кулаки, попы, знахари, создали армию, чтобы завоевать нас, и мы должны создать свою армию.

Мы и создали Красную Армию, что значит армию трудящихся, так как вся жизнь трудящихся есть кроваво-красный тяжелый путь.

Армия эта должна быть и вооружена и обучена. Это сделано.

Но мало этого, армию надо пополнять. Кто же пополнит ряды пролетарской армии? Только сами пролетарии, трудящиеся.

Мы боремся за то, чтобы не было на земле привилегированных и рабов, как их не было раньше. Ведь, когда Адам пахал, а Ева пряла, тогда не было ни дворян, ни капиталистов, ни попов, ни кулаков.

Добиться этого можно только, отбив охоту у прежних господствующих классов стремиться к господству.

Но они к этому стремятся, применяя оружие, объявив трудящимся войну.

Поэтому, Рабоче-Крестьянская Советская Власть и говорит: на нашу мирную Советскую Социалистическую Республику набросились все враги трудящихся, как иностранные, так и русские, будем же все защищаться и нападать на врагов, чтобы поскорее от них освободиться. Мы получили в наследство голод, разруху, нам мешают легче пережить это трудное время, так пойдёмте же освобождаться от врагов.

Великую силу представляют из себя пролетарии-трудящиеся, будучи организованы.

Организуйтесь в пролетарскую партию коммунистов, научитесь владеть оружием и каждый пусть будет готов встать в ряды Красной Армии.

Гражданская, классовая война не имеет одного прямого или ломанного фронта, гражданская война ведется в каждом городе, в каждом селе, в каждой деревне. И город, и село, и деревня должны поэтому представлять из себя крепости. Пролетариат каждой местности должен быть сплочен, уметь владеть оружием, быстро понимать команду, действовать вместе. Все это дости-

гается опытом, практикой, поэтому и введено всеобщее военное обучение трудящихся.

Нам не на кого надеяться, кроме самих себя, мы—дети одной трудовой семьи, но сила наша в сплоченности, организованности, в полной готовности встретиться с врагом дома—в деревне или городе—или в каком другом месте.

О денежном кровообращении в государстве.

Когда в человеческом теле кровь приливает к каким-нибудь органам, к голове, к ногам, все остальные части тела начинают испытывать неловкость, а иногда даже начинают хворать.

Кровь в организме все, стоит только крови перестать течь на время, человек помирает, кровь разлагается, и никакая сила не воскресит его.

Нечто подобное происходит и в государстве.

Деньги здесь тоже кровь. Если сейчас крестьянин прячет свои бумажные рубли и керенки в кубышки, то напрасно он думает спасти свое положение. Сначала будут хворать от этого другие слои населения, (фабричный люд, городское население), а затем и сам крестьянин будет нищим со своими деньгами.

Приказы Председателя Революционного Военного Совета Республики. по красной армии.

Ст. Инза 18-го марта 1919 г.

Товарищи солдаты! Из среды крестьянства раздаются подчас жалобы на Красную армию. Действительно, бывают случаи, когда недостаточно сознательные и дисциплинированные части причиняют обиду трудовым крестьянам. Этого не должно быть. Красная армия должна положить этому конец.

Красная армия служит для защиты рабочих и трудовых крестьян. Крестьянство дает армии солдат, лошадей и хлеб. Рабочие дают армии солдат, винтовки и одежду. Между этими тремя группами должен быть тесный братский союз.

Не мы вызвали войну. Ее навязали нам помещики, капиталисты, свои и чужие, которые хотят нас задушить. Война—тяжелое и суровое дело. От войны страдает и мирное население, в первую голову крестьянство. Этого усунуть нельзя. Крестьянство оправится, когда мы разобьем врагов и дадим стране мир и спокойствие. Но и сейчас, во время войны, недопустимо увеличивать без край-

Освободившись от тьмы, от гипноза, навеянного капиталистами да попами, мы освободимся и от голода и нужды.

Надо только помнить, что лишь при победе пролетариата,—трудящихся,—над капиталистами, их лакеями и прочей сворой осуществляются слова апокалипсиса:

„Я осушу все слезы на глазах твоих“.

А. Самохвалов.

Деньги, как и кровь в человеке, до тех пор деньги, пока они свободно текут в банк в виде вкладов, в кредитное товарищество и потребительное общество для закупки товаров. Но как только эти деньги будут вынуты из банков, из кредитных товариществ, из потребительных обществ, и перейдут всецело к крестьянину за хлеб, так сейчас-же, эти деньги, как кровь, разложатся, потеряют силу денег, и тот-же мужичек, который усиленно прятал эти деньги, будет сразу нищим. Вот почему всякий крестьянин должен нести деньги в банк, для того, чтобы денежное кровообращение государства не нарушилось, и сам трудовой крестьянин не остался бы нищим у своих денег.

Бедняк.

ней надобности тяготы, которые ложатся на крестьянство. Кулак—нам враг. Но крестьянин-середняк, трудовой хлебороб, должен быть нам другом и собратом. Чинить ему обиду—непростительное преступление. При малейшей попытке грабежа и насилия над трудовыми крестьянами со стороны темных и порочных солдат, честные сознательные солдаты должны выступить на защиту трудовых крестьян и беспощадно карать громил и насильников.

Комиссары и командиры! Следите строго за тем, чтоб трудовым крестьянам не было обиды от несознательных элементов армии. Не допускайте никаких незаконных реквизиций и конфискаций. Следите за тем, чтобы крестьянам уплачивалось по установленным ценам за все, что берет у них Красная армия.

Контр-революционных агитаторов, которые восстанавливают крестьян против красных солдат, нужно истреблять, но с самими крестьянами везде и всюду поддерживать тесные товарищеские отно-

шения, выяснять им смысл нашей войны и привлечь их к сознательному участию в общей советской работе.

Никакой пощады мародерам и хищникам, разоряющим и обижающим трудовых крестьян!

Беспощадная расправа над кулаками, которые восстанавливают крестьян против солдат!

Да здравствует братский союз Красной армии и всего трудового крестьянства!

Председатель Революционного Военного Совета
Республики,
Народный Комиссар по Военным и Морским
делам **Л. ТРОЦКИЙ.**

Председателя Революционного Военного Совета
Республики.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ.

18 марта 1919 г. Ст. Рузаевка.

Товарищи железнодорожники!

В вашей среде осталось не мало врагов рабочего класса из числа тех черносотенцев, которые в свое время подбирались Рухловым после разгрома революционных работников путей сообщения. Сейчас эти железнодорожные контр-революционеры, главным образом, из состава старших служащих, пользуются всякой возможностью для усиления расстройств железных дорог. Во всяких белогвардейских восстаниях оказываются замешанными лица железнодорожной администрации, которые помогают передвижению восставших, содействуют им в разборке путей, а также связывают их железнодорожным телеграфом. Напоминаю, что Советская Республика—военный лагерь, окруженный врагами. Напоминаю, что железные дороги объявлены на военном положении. Напоминаю, что враги рабочего класса и крестьянской бедноты караются Советской властью беспощадно, вплоть до расстрела.

Приказываю железнодорожной охране удвоить бдительность, возложив на сельские и волостные Советы придорожной полосы охрану примыкающих к ним участков путей.

В случае угрозы железнодорожному полотну, принимать самые беспощадные меры.

Председатель Революционного Военного Совета
Республики
Народный Комиссар по Военным и Морским
делам **ТРОЦКИЙ.**

КРЕСТЬЯНАМ.

Ст. Рузаевка, 18-го марта 1919 г.

Враги рабочей и крестьянской России долго готовились к весеннему походу против нас. Англичане и французы предполагали двинуться с севера, из Архангельска, на Вологду и Москву. Колчак рассчитывал из Перми двинуться на Вятку и Вологду, из Уфы на Симбирск и Самару. С юга им должен был помочь старый царский генерал Деникин, а с запада—Петлюровцы, т.-е. украинские помещики и кулаки, польская шляхта, т.-е. дворяне-помещики, а также и немецкие белогвардейцы, не желающие уходить из русских крепостей.

Одновременно с этим враги рабочей и крестьянской России предполагали поднять восстание внутри страны. Заговор был подготовлен в целом ряде пунктов. В качестве агентов англо-французского и американского капитала действуют у нас внутри страны белогвардейцы, которые теперь называют себя чаще всего левыми эсерами. Восстание было приурочено к 12 марту, т.-е. ко второй годовщине революции.

В руки Советского правительства попало много телеграмм и других документов, из которых план становится совершенно ясен. Восстание должно было развернуться на важных железнодорожных пунктах, как Брянск, Льгов, Лиски, Ртищево, Сызрань, Инза, Рузаевка и пр. Путем этих восстаний предполагалось разрушить важнейшие железнодорожные участки, отрезать Петроград и Москву от хлебного подвоза и задушить, таким образом, Центральную Россию голодом и холодом.

Одновременно с этим, чужестранные империалисты должны были ворваться в страну через четверо ворот—на севере, востоке, юге и западе. Чтобы еще более облегчить им этот прорыв, чужестранные империалисты приказали своим агентам и приказчикам внутри страны поднять бунты в красноармейских частях.

Этот план потерпел крушение. Красная армия осталась верна рабочему классу и трудовому крестьянству. Возбунтовать удалось только совершенно негодные и ничтожные по численности части, которые сдали уже оружие. Наступление чужестранных империалистов не удалось. На юге мы продолжаем продвигаться везде вперед, взяли Николаев, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь и приближаемся к Новочеркасску и Ростову. На востоке наступление Колчака остановлено. На севере мы наступаем, в Эстляндии мы продвигаемся вперед.

Восстания кулаков не удалась. Они вспыхнули в двух-трех местах, но оказались совершенно ничтожными и уже подавлены. Виновники расстреляны.

Товарищи трудовые крестьяне! Ваши враги помещики и капиталисты пытаются и вас вовлечь в восстание против рабоче-крестьянской власти. Остерегайтесь! Не верьте волкам в овечьей шкуре!

Центральная власть знает о тяжелом положении трудового крестьянства. Война, которую мы вынуждены вести против помещиков, желающих восстановить власть царя и дворянское землевладение, требует все новых и новых жертв со стороны рабочих и крестьян. Мобилизация людей, мобилизация лошадей, военно-конская повинность тяжело отражаются на крестьянском хозяйстве. В то же самое время разоренная промышленность не дает крестьянам необходимых продуктов: тканей, сельскохозяйственных орудий, металлических изделий и всего прочего, что нужно для жизни и хозяйства. Но каждый разумный и честный крестьянин должен понять, что не мы, не Советская власть, повинны в этой войне. Это старые угнетатели народа хотят вернуть себе земли, богатство и власть. Где им это удалось (в Сибири, в Архангельской губ., в Крыму), там положение крестьян стало во сто раз хуже.

Нам нужно, как можно скорее довести войну до конца, прогнать Колчаков, Красновых и Деникиных, восстановить мир и трудовой порядок. Бессмысленные восстания и разрушения железнодорожного пути только затягивают войну, расстраивают

страну и причиняют новые и новые бедствия труженникам-крестьянам и рабочим.

Уже сами иностранные буржуазные правительства, ведущие против нас войну, вынуждены признать, что Советскую Россию сломить нельзя, и они все больше говорят о необходимости заключения с рабоче-крестьянской Россией мира. Этому всеми силами противятся внутренние наши враги — помещики, белогвардейцы, кулаки.

Товарищи крестьяне, будьте на стороже! Не позволяйте себя обманывать! Помогите Красной армии и городским рабочим задушить окончательно контр-революцию. Советская власть — это наша

власть. Она предпринимает все для улучшения положения крестьян, для поднятия промышленности, для облегчения сельского хозяйства. Как только добьем врагов, рабоче-крестьянская Россия получит спокойствие и довольство.

Да здравствуют честные трудовые крестьяне!

Да здравствует братский союз рабочих, Красной армии и крестьян-средняков!

Да здравствует свободная рабоче-крестьянская Россия!

Председатель Революционного Военного Совета Республики Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. Троцкий.

Обзор фронтов.

(По положению к 1 марта).

Северный фронт.

Северный фронт затих, ожидая весны, когда можно будет произвести более широкие операции, имеющие целью сбросить союзный десант в море. В этом отношении особенно важны наши недавние успехи. Наша пинежская группа, подойдя вплотную к гор. Пинеге, угрожает союзникам отрезать их от моря, занятіем Архангельска, от которого она находится в 150 верстах.

В Шенкурском районе, наши красноармейцы, взяв после упорных боев гор. Шенкурск, срезали глубокий клин противника на Вельск.

Плесецкая группа, подойдя к реке Сев. Двине у Моржегорского, прервала коммуникационный путь группы противника, выдвинувшейся осенью в Котласском направлении.

На ж-д. линии Архангельск-Вологда красноармейцы занимают позиции к югу от ст. Обозерской, в 130 в. от Архангельска.

Западный фронт.

Остановив наступление белоэстонцев на Петроград, красная эстонская войска ведут бои за подступы к Нарве, готовясь к новому движению вглубь Эстляндии.

Попытки белоэстонцев прорваться между Чудским и Псковским озерами, дабы вбить клин между Нарвской и Псковской нашими группами, ликвидированы.

На Псковском направлении белоэстонцы отброшены от Изборска.

На северном фронте Красной Латвии бои продолжаются.

На правом фланге белоэстонцы достигли временного успеха, заняв Мариенбург. В центре, красные латыши находятся в 15—20 в. от Валка, защищая прямой путь на Ригу. На левом фланге, у Руэна и Галбнаша, войска Советской Латвии с упорными боями медленно продвигаются на Феллин и Пернов, стремясь зайти в тыл Валкской и Псковской группами противника.

В Рижском заливе красными латышами занят остров Эзель.

Либавский фронт замер, ожидая развязки боев на северном фронте Латвии.

Красные Литовская и Белорусская армии, добравшись до Ковны, Немена, Слонима и Дрогичина, встретили сильные отряды немцев и поляков и остановились, собирая силы для новых ударов.

Украинский фронт.

Сарненская группа красных украинцев, заняв Сарны, двинулась на запад, юг и восток. Западный отряд уже занял Ковель и угрожает глубоким обходом в тыл группам польских легионеров, действующим у Слонима и Дрогичина. Южный отряд, наступая на важный ж-д. узел Ровно, ведет упорные бои с значительными силами петлюровцев. Западный отряд, соединившись у Коростеня с Мозырским отрядом, вместе с ним наступает на юг, к Бердичеву, заходя в тыл отходящим от Киева войскам Директории.

На Киевском направлении, украинские советские войска, заняв Фастов и Бел. Церковь, отбрасывают петлюровцев к границам Галиции.

Украинская Красная армия у Балты, Косовки и Николаева уже вошла в соприкосновение с Одесским союзным десантом. У Косовки она находится в 75 в. от Одессы.

На Черноморском участке, наступая на Мелитополь, Бердянск и Мариуполь, красные украинцы уже находятся в 50—75 в. от моря.

Южный фронт.

Южный фронт оканчивает свою деятельность. Отбросив мощными ударами красновцев от Ворожежа и Царицына, наша Красная армия гонит их на Новочеркасск.

В Донецком районе, медленно и с упорными боями продвигаясь вперед, она находится уже в 100 в. от Новочеркаска. На прямом пути на Новочеркасск с севера, заняв ст. Миллерово, она угрожает важнейшему ж-д. узлу Лихая.

Ж-д. линия Лихая-Царицын, дававшая в недавнее время возможность красновцам перебрасывать свои силы на запад, восток и север, уже перейдена на протяжении более 90 в.

Отбросив казаков от Царицына, Красная армия двинулась на запад, к Дону, и на юг, по ж-д. линии на Тихорецкую. Дон уже перейден у Потемкинской и Есауловской. На Тихорецкую наши войска продвинулись уже на 100 в. от Царицына.

Северо-Кавказский фронт.

На Сев. Кавказе белогвардейцы достигли временных успехов, заняв Св. Крест, Георгиевск, Прохладную, Мездок, Грозный, Кизмер и Черный Рынок. Но скоро, выдвигением во фланг нашей армии от Царицына, успехи белых будут ликвидированы и Красная армия вновь овладеет Красным Сев. Кавказом.

Восточный фронт.

На восточном фронте идет ликвидация Дутовщины и подготовка к овладению Пермью.

На южном участке, по жел. дор. от Оренбурга на Ташкент, Красная армия дошла уже до ст. Яйсан, в 130 в. от Оренбурга.

Но на пути в Сибирь, она овладела Орском, в 200 в. от Оренбурга, и дошла до границ Сибири.

На путях от Стерлитамака, наша армия заняла зав. Кагинский, в 100 в. от Верхнеуральска, угрожая движением в тыл колчаковцам, действующим в Уфимском районе, перерезав их сообщение с Сибирью. На Уфимском и Бирском направлениях Красная армия, закончив преследование белых, готовится к новому наступлению вглубь Урала. Наступление белых по Сарапульской ж-д. и на Осу остановлено, при чем у Осы они отброшены на свои исходные позиции.

На Каме, у Оханска, и к западу от Перми, продвижение белых остановлено и наши войска занимают позиции в 40—60 в. от Перми.

На севере, по рекам Обве и Инве, красноармейские части с боями продвигаясь к Каме, стремятся обойти с севера Пермь, чтобы одновременно с севера, запада и юго-запада двинуться вперед на овладение этим важным городом северного Урала.

(Положение к 15 марта.)

Северный фронт. На всем фронте от р. Печеры до Нарвы за истекшие 2 недели господствовало затишье.

Западный фронт. В районе Пскова и Мариенбурга происходили успешные для нас действия. Наступая от Пскова красные эстонские войска взяли Печеры и приблизились к ст. Нейгаузен (в 20 в. восточнее Верро). Советские латышские части, отбив Мариенбург, двинулись на Валк и заняли ст. Менцеи (35 в. от Валка). На остальных участках северного фронта Латвии боев не было.

Пользуясь отвлечением внимания Советской Латвии к своему северному фронту, немецкие и

латышские белогвардейцы начали наступление на Ригу и Митава. Дессантом занята ими Виндава. На Либавском направлении красные латыши, под сильным напором отошли к Фрауэнбургу, ст. Бенен и Жагорам, братская Литовская красная армия отошла от Шавли к Шадову (35 в. западнее Поневежа) Красные литовские и белорусские войска, встретив значительные силы немцев и поляков, отошли к Лиде, Барановичам и Луниному, оставив Слоним и Пинск.

Угрожаемая обходом с тыла Сарненская красная группа, оставив Сарны, отошла на север к Столину и на восток к Олевску.

Украинский фронт. На фронте Советской Украины успешное наступление продолжалось. Киевской группой заняты Бердичев, ж-д. узел Казатин, Сквиря и Умань. В Одесском районе советскими украинскими войсками взяты Николаев и Херсон, важные Черноморские порты. На Таврическом направлении, у Перво-Константиновки, красные украинцы подошли вплотную к границам Крыма. На Азовском побережье украинцы приблизились на 25 в. от Мелитополя и 55 в. от Бердянска.

Южный фронт. В Донецком районе продолжались упорные бои южнее Бахмута и у ст. Дебальцево. На ж-д. от Миллерова наша красная армия подошла к Донцу и взяла ст. Каменскую, в 20 в. севернее ст. Лихая.

Перейдя ж-д. линию Лихая—Царицын, наша армия двинулась на запад и на юг. В западном направлении она овладела р. Донцом от Каменской до устья и взяла ст. Кундрюческую, в 75 в. восточнее Новочеркасска. Двигаясь на юг, наши войска переправились уже через Дон, взяв Константиновскую, Мариинскую и Романовскую. На ж-д. Царицын—Тихорецкая взята ст. Ремонтное, в 180 в. от Царицына.

С Северо-кавказского фронта. сведений за истекшие 2 недели не было.

Восточный фронт. На путях к Гурьеву наша армия взяла Сломихинскую (в 75 в. юго-восточнее Александра—Гая) и Богатинский (60 в. южнее Уральска). На ж-д. в Ташкент наша Красная армия вошла в Актюбинск, где соединилась с Туркестанской Красной армией. Взяв Орск, красные части двинулись на Верхне-Уральск и Троицк и уже продвинулись на 150 в. к северу.

В Бирском районе колчаковцы, собрав большие силы, прорвали наш фронт, взяли Бирск, и переправившись через р. Белую, угрожали зайти в тыл Уфе, вследствие чего наша Уфимская группа отошла на запад, оставив Уфу.

В Осинском и Оханском районе, красные войска, под давлением значительных сил противника, отошли на 25—50 в. к западу от Осы и Оханска.

В связи с отходом от Оханска, отошли наши войска и на ж-д. Пермь—Глазов к ст. Бородулино, в 100 в. западнее Перми.

Севернее, в Ошибском районе продолжались незначительные столкновения.

Б. Г.

ВСЕВОБУЧ.

Деревни - крепости.

Жизнь, породившая Всевобуч, ставит перед ним все новые задачи. Деревни-крепости—эта одна из них.

Сейчас происходит успешное наступление красных войск по всем фронтам. Для Всевобуча это наступление имеет свое специфически специальное значение, ибо дает ему новую работу. Необходимо немедленная организация всеобщего военного обучения для подготовки резервов Красной Армии на вновь освобожденных ею территориях. Это касается всех вообще фронтов. Из них западный и северо-западный имеют еще свое особое значение, потому что Красная Армия освобождает районы, на которых происходили военные действия против германцев.

Здесь в результате этих действий груды развалин, оставшихся от селений. К ним вслед за Красной Армией устремляются волны беженцев. Они скоро станут строиться на пепелищах. По крайней мере, отстройка разрушенного—это очередная задача, и государство, несомненно, обратит на нее свое внимание, окажет поддержку строителям.

Но тут-то и нельзя не выступить Всевобучу.

Если он заботится о будущей вооруженной мощи Российской республики и отвечает за ее постоянную готовность защитить свои пределы от вторжения иноземцев, то на его же совести лежит не только создание народных полков и дивизий: он должен приготовить поле сражения, должен заняться тем, что в военном обиходе называется инженерной подготовкой будущего театра войны. Для нас это, конечно, прежде всего Россия, потому что мы прежде всего готовимся к самозащите.

Это большой и почти новый вопрос, ибо при царском режиме Россия готовилась к наступательной войне или готовилась ликвидировать нападение на так называемых передовых театрах. Глубокое продвижение врага, какое имело место в минувшей войне, почти не предусматривалось.

Необходимо обратить внимание на присоединяемые к нам вновь окраины на западе и принять участие в отстройке разрушенных селений.

Всевобуч заинтересован в том, чтобы в случае нападения на нас народные войска в первый же момент войны имели готовое прикрытие и точки опоры и даже готовые небольшие базы для контр-ударов по нападающему врагу. За единицу в данном случае должна быть принята пограничная деревня.

Говоря о деревне-крепости, мы не призываем к постройке каких-то укреплений на наших будущих границах. Мы только хотим указать, что вновь отстраиваемые деревни должны строиться так, чтобы не быть слишком беззащитными. При постройке домов, их расположения и проч. должны быть соблюдены требования полевой фортификации. Они соблюдались Германией и Австрией и это сыграло большую роль в военных действиях в Галиции и Восточной Пруссии.

Б. Филатович.

Всевобуч на железных дорогах.

В печати до сего времени не было освещено дело всеобщего военного обучения железнодорожников.

Считаю необходимым сделать это не без основания полагая, что органы Всевобуч на дорогах внесли и свою лепту в фундамент создания армии по милиционной системе.

Проведение в жизнь декрета Совнаркома о всеобщем военном обучении трудящихся началось в военном комиссариате Железнодорожного района московского узла (ныне ликвидированном).

Тогда был создан отдел, во главе которого стоял военный комиссар комиссариата т. Зимин и военный роководитель т. Бахтиаров (ныне умерший).

Не покладая рук эти товарищи работали над делом всеобщего военного обучения, которое являлось и является залогом победы пролетариата над империалистами.

На всех дорогах московского узла были созданы коллегии, в которые входили т. т., выборные от комитетов дорог, от общего собрания рабочих и один по назначению военного комиссариата Железнодорожного района из военных специалистов, стоявших безусловно на платформе советской власти.

Дело обучения прививалось сначала с большими трудностями. Причиной этого были и особые условия труда железнодорожников, а также отсутствие инструкций, указаний, а главное опыта (железнодорожники московского узла начали обучение первыми на дорогах Р. с. р.).

Следует отметить, что непонимание идеи обучения некоторыми группами влияло на продуктивность такового. Но революционный порыв, непрерывное пропагандирование идеи Всевобуча взяли верх и обучение пошло быстрым темпом.

К сентябрю мес. в черте Окружной ж. д. обучалось несколько десятков тысяч железнодорожников, неоднократно были устраиваемы тактические занятия, маневры. Совместно с другими резервными полками гор. Москвы проходила боевая стрельба, давшая очень хорошие результаты и т. д.

В связи с обострившимся тогда продовольственным положением, некоторые главные коллегии (Курск ж. д., постройка новых линий Казанбург и др.) организовали питание служащих в своих столовых или по удешевленным ценам в общественных питательных пунктах.

Большинство дорог устроило плацы для занятий, тир, подысканы были помещения для устройства лекций и т. д.

В сентябре месяце обучение железнодорожников было распространено на Московский округ путей сообщения, который обнимал собою почти всю советскую республику.

В настоящее время делом всеобщего военного обучения ведает военно-окружная коллегия Московского округа путей сообщения.

На учет взято несколько сот тысяч человек, большая часть обучается военному искусству те-

перь, значительные группы уже прошли 96-ти часовой курс.

Приступлено к обучению и в других округах путей сообщения, как например, в Петроградском и Воронежском.

Суммируя итоги работы, мы должны сказать о том, что большая и сложная работа сделана товарищами, проводившими в жизнь идею Всеобуч, как в центре, так и на местах.

К сожалению, у работников на местах часто наблюдается непонимание идеи всеобщего военного обучения, неумение вдохнуть жизнь в дело, склонность к канцелярской рутине, боязнь широкого размаха, отсутствие специальных знаний.

Будем надеяться, что эти недочеты скоро и решительно искоренятся.

Член окружной коллегии по всеобщему обучению Воронцов.

Агитация и популяризация дела всеобщего военного обучения.

Опыт последних месяцев на местах, практика жизни, работы уездных, губернских и 2-го всероссийского съезда Всеобуча убеждают, что успех дела всеобщего военного обучения неразрывно связан с его агитацией и популяризацией.

Всем работникам по всеобщему военному обучению ясно, что параллельно с обучением владеть винтовкой, параллельно с формированием милиционных частей должна идти самая широкая пропаганда идеи, задач и цели всеобщего обучения по городам и деревням всеми имеющимися средствами слова и печати.

В настоящий момент агитация и популяризация идеи милиционной системы имеют прямую цель способствовать и подготавливать проведение в жизнь всеобщего военного обучения, организации и вооружения трудящихся. И поэтому великая задача создания вооруженных сил на новых социалистических принципах требует самой планомерной работы и самого широкого использования всех жизненных сил, средств и органов, участвующих в революционном строительстве.

Все Советы, организации, художники, поэты, писатели, музыканты, педагоги должны в первую голову отдать часть своего труда и творчества делу популяризации идеи всеобщего военного обучения и вооружения народа.

Тут представляется им широкое поле деятельности. А второй Всероссийский съезд сказал по вопросам агитации и популяризации свое веское слово. Он разработал стройный план, создал систему для проведения в жизнь идеи всеобуча. Он постановил, что для систематической планомерной работы руководящие отделы агитации и популяризации идеи мил. сис. образуют при себе секции: военно-научную, военно-библиотечную, издательскую (подготавливающую и обеспечивающую своевременное издание материалов), и военно-спортивную.

Военно-просветительное отделение окружных отделов всеобщего обучения и агитационно-просветительные отделы губернских и уездных комиссариатов, обильно снабжаемые руководящими, инструктирующими и пропагандирующими мате-

риалами, привлекают для агитационно-просветительной работы партийные организации коммунистов, комитеты бедноты, профессиональные союзы, союзы рабоче-крестьянской молодежи, народных учителей и пользуются народными домами.

Главными средствами агитации и популяризации идеи всеобщего военного обучения являются: печатные произведения, книги, газеты, журналы, брошюры, плакаты, рисунки, живое человеческое слово.

Необходимо широко заняться изданием литературных произведений боевого духа для населения, изданием ежемесячных журналов, использованием „Роста“ и местных органов печати.

Необходимо далее заняться изданием в громадном количестве брошюр, предпочтительно пред листовками, т. к. последние читаются и выбрасываются, печатанием плакатов и серий рисунков для города и деревни взамен прежних лубков, украшавших жилища; вкраплением в литературные произведения отрывков, агитирующих за всеобщее обучение, изданием календарей агитационного характера по всеобщему обучению и изданием справочников для инструкторов и руководителей всеобщего обучения.

Музыка и пение должны быть использованы. Следует издать сборники нот, где наряду с народными песнями, помещались бы песни по всеобщему обучению. Вместе с тем составить сборники революционных песен.

Надо составить и издать программы и конспекты для речей, лекций и чтений по всеобщему обучению, а также программу культурно-просветительных занятий с обучающимися применительно к 96-ти часовой программе обучения (для инструкторов).

Приготовить картины для кинематографа и волшебных фонарей на тему всеобщего обучения, издать открытки соответствующего содержания, устроить библиотеки и передвижные музеи, в провинции, устроить спортивные клубы, союзы молодежи и издание руководящей литературы.

Кроме того, необходимо объявить конкурс на составление брошюр и печатных произведений.

Григорий Сенецкий.

Агитационно-Просветительный Отдел Нижгубвоенкома.

Со времени возникновения Военных Комиссариатов, Агитационно-Просветительный отдел Нижгубвоенкома широко развил свою деятельность в области партийной агитации и культурно-просветительной работы. Последняя развилась особенно широко, когда от агитационного отдела отошла вербовка Красной Армии.

Через Агитационный отдел распространяется по губернии литература: газеты, библиотеки, как в частях гарнизона, так и по уездам. Каждая рота, каждая деревня снабжается особо подобранными ротными, деревенскими библиотечками. Кроме того имеется довольно большая Центральная гарнизонная библиотека.

В настоящее время в воинских частях создано 23 школы грамоты 1 и 2 ступени и начинает организовываться школа третьей ступени с программой средне-учебных заведений.

Еженедельно в воинских частях происходят лекции по общественным вопросам, при чем предварительно в течение недели красноармейцы готовятся к таким лекциям беседами, которые ведутся ежедневно политическими ротными руководителями.

Хорошо пошла агитационная работа в частях с тех пор, как агитационным отделом были созданы агитаторские курсы, куда посылались товарищи как от воинских частей, так и из уездов и по окончании курсов (через 1½ мес.) распределялись снова по местам. Агитаторские курсы уже дали два выпуска с общим количеством 70 человек ответственных работников.

Во всех воинских частях гарнизона организованы клубы, в которых ставятся спектакли, концерты и проч., в них принимают участие в качестве исполнителей сами красноармейцы. Кроме того имеется Центральный Гарнизонный клуб, где ежедневно ставятся спектакли и концерты, причем два раза в неделю бесплатно для красноармейцев.

Вся эта культурная работа ведется под руководством Военного Пролеткульта, организации, созданной Агитационно-Просветительным отделом из среды красноармейцев, которые работают под руководством опытных технических сил, привлеченных к работе Агитационным отделом. Весь Пролеткульт подразделяется на ряд секций: школьную, библиотечную, музыкальную, драматическую, художественную и т. д. Работа каждой секции концентрируется в исполнительном комитете Пролеткульта, который целиком находится в ведении Агитационного отдела.

За последнее время предпринимается организация подвижного театра в прифронтовую полосу.

Гораздо слабее проявляется работа Агитационного отдела в уездах, что объясняется недостатком сил, но надо надеяться, что постепенно и эта сторона работы наладится.

Просвещение в Красной Армии.

Военный пролеткульт имеет своей целью дать просвещение красноармейцам. Школы грамоты, клубы, читальни, библиотеки, все это есть очаги просвещения.

Советской России в настоящее время нужна мощная, сознательная, революционная красная армия. Нужны закаленные борцы за свободу и братское единение народов. Наше Советское Правительство, наши лучшие вожди пролетариата, Ленин и Троцкий, все силы употребляют на создание сознательных борцов за Социализм, за интересы пролетариата.

Нет сомнения, что просвещение среди красноармейцев занимает одно из первых мест. Много еще в красной армии мало развитых, темных, непросвещенных и несознательных граждан. Главная масса в красной армии—это крестьянская масса. Крестьяне вообще плохо разбираются в вопросах жизни и легко могут стать жертвой обмана. Поэтому нужна энергичная работа среди этой массы в смысле политического и культурного воспитания. Военный пролеткульт выполняет значительную работу в этом отношении, но далеко не исчерпывающую.

Самая сознательная часть Красной Армии—это городской пролетариат. Но их немного, а сколько невежественных, призванных из деревень солдат, которые зачастую смотрят на военную службу, как на насилие и при удобном случае дезертируют. При старом царском правительстве не обращалось внимания на просвещение русской армии. Буржуазия и ее приспешники всячески старались тормозить просвещение; темную забитую массу легко было делать слепым орудием для борьбы за интересы хищной буржуазии.

Сейчас-же, когда красная армия борется за свои интересы—просвещение среди красноармейцев должно стать делом первой необходимости, и на это должно быть обращено самое серьезное внимание.

Сейчас идет кипучая работа по организации школ грамоты для широких красноармейских масс. Только с сознательными солдатами можно победно идти вперед, только сплоченная, революционная масса способна отразить всех врагов Советской России, и тем водворить всеобщий мир и свободу народов.

Гоняев Ив.

Культурная работа в деревне.

За Январь и Февраль месяцы, настоящего года, села и деревни духовно ожили. В каждом уездном городе зародились культурно-просветительные организации, как школы, драматические и литературные кружки, которые с каждым днем все шире и шире развертывают просветительную деятельность. Растут духовно села и деревни. Покрывавший их так долго мрак рассеивается, благодаря молодой культурно-просветительной работе, в которой особенно горячее участие принимают молодые крестьяне. Во многих селах уже основаны Народные Дома, где местные культуно-просветительные ячейки открыли библиотеки, читальни; ставят спектакли, концерты и др. разумные развлечения, которые при старом режиме так тщательно скрывались буржуазией от жаждавшего света крестьянства.

Особенно духовная творческая работа в уезде появилась в великие праздники Социалистической Советской Республики. Так, например, день Красной Армии в большинстве сел ознаменован высоким под'емом духа. Были устроены торжественные шествия, затем митинги, концерты или же спектакли. В этот праздничный день, слышалось среди народа много искренне радостного о Советской власти.

Также замечается другое отрадное явление: во многих селах и деревнях открыты школы, в которых обучаются не только дети, но и взрослые. Последние ввергнуты с детства игом старого режима и хищного капитала в темноту, теперь свободные при Советской власти, посещают храм просвещения-школу, желая наверстать потерянное время.

Зарождению культурно-просветительной деятельности в уездах много содействовал также Агитационно-Просветительный Отдел Нижегородского Губернского Военного Комиссариата, который и в настоящее время не прекращает там своей работы. Он посылает туда агитаторов, которые по приезде в намеченные Отделом места, устраивают митинги, общие собрания и стараются всеми силами на них влить в народную массу живительные лучи коммунизма. Они также кладут первые камни фундамента культурно-просветительных ячеек, которые с радостным приветствием достраиваются крестьянами.

И вот, благодаря совместной работе центра и низов, деревня, спавшая столетиями в царстве темноты и невежества, лихорадочно пробуждается.

Все это показывает, что гром октябрьской революции всколыхнул и пробудил не только заводских и фабричных рабочих, а и трудовое крестьянство. Крестьяне с каждым днем все более и более под влиянием испытанных и испытываемых на своих плечах горестей и печалей, начинают понимать и чувствовать, что Советская власть им не враг, а их защитница. Но удержать в своих мозолистых руках эту власть возможно на долгое время лишь только тогда, когда будут просвещены широкие пролетарские массы. Поэтому сыновья и дочери пролетариев схватились жадно за культурно-просветительные организации.

Правда, в крестьянской массе изредка замечаются небольшие волнения, но эти прискорбные факты суть плоды ядовитой агитации контр-революционеров. Паразиты деревни, пользуясь непросвещенностью народных масс и продовольственным кризисом нашей страны, пытаются толкнуть деревенский люд против рабоче-крестьянской власти. Но, к счастью, эти черносотенные попытки кончаются всегда полным крахом.

Сообщения с мест говорят:

Смотря на перерождение деревни невольно радуешься, и невольно хочется сказать врагам Р. С. Ф. С. Р.: „Разве трудовой класс России это титан-вандал, который только умеет разрушать и сжигать все прекрасное, благородное который способен лишь душить драгоценные проявления культуры. Нет. Он-хранитель всего истинно прекрасного: он умеет творить благородное, лучше, чем выродившаяся духовно и физически буржуазия.“

Но как никак крестьянство только еще пробуждается. Потому все культурно-просветительные организации и ячейки должны обратить внимание на уездную глушь.

Доклады с мест.

Балахнинский уезд. Культурно-просветительная работа налаживается. Распространяется литература, присылаемая бесплатно Агитационным отделом Нижгубвоенкома. Организуются культурно-просветительные кружки, Постановка спектаклей затрудняется из-за отсутствия бутафории. 25—50% от сбора отчисляется в пользу учащихся, а остальные в пользу кружков.

Военное обучение производится во всем уезде от 26 до 32 лет. Настроение обучающихся в большинстве сочувственное, особенно в рабочих районах. Дисциплина хорошая, посещения занятий вполне удовлетворительные. Отношение к командному составу товарищеское. Командный состав в большинстве хотя и беспартийный, но вполне надежный. Мобилизации в отдельных местах проходят вяло, и это в большинстве объясняется еще памятью прошлой войны, *недостаточной сознательностью крестьянского населения и влиянием кулачества.* Отношение к власти хотя и сдержанное, но все приказы и декреты выполняются беспрекословно.

Васильсурский уезд. Политическое положение вполне удовлетворительное. Военное обучение проходит хорошо. *Видно сознание своего долга.* Ощущается недостаток литературы, на что нужно обратить внимание. Отряд красноармейцев при Военкомое на высоте своего назначения, командный состав хорош, во главе отряда коммунист. В самом непродолжительном времени предпринимается организация летучей библиотеки для уезда.

Воскресенский уезд. Культурно-просветительная работа в уезде идет слабо за отсутствием лекторов. За неделю устроено 9 митингов и 6 партийных районных конференций. После митингов ведутся беседы. Агитационные силы уезда не могут удовлетворять всех запросов. Деятельность культурно-просветительных кружков развивается. Ставятся спектакли с беседами и лекциями. Всего имеется 14 культурно-просветительных кружков, 11 библиотек. Газет распространено 1376 экз.

Сергачский уезд. Культурно-Просветительная работа налаживается. Агитационная, за отсутствием агитаторов, подвигается плохо. Уездным подотделом внешкольного образования был устроен спектакль в пользу библиотеки, давший 2000 руб. валового сбора.

В день Красной Армии устроен бесплатный спектакль для красноармейцев и крестьян окрестностей Сергача и платный в пользу Красной Армии для горожан. В городе организовался кружок любителей литературы и будет издан сборник пролетарской поэзии. Местными силами устраиваются в городе лекции, митинги, которые посещаются охотно. Сильный недостаток литературы. Военное обучение поставлено и протекает хорошо. Настроение уезда спокойное.

Макарьевский уезд. Политическое настроение населения уезда удовлетворительное. Дисциплина и порядок в красноармейских частях хорошие. Агитационная работа ведется непрерывно. Культурно-просветительная работа налаживается. Организуются культурно-просветительные кружки. Совет в селе Юркине кулацкий и мешает там работе.

Арзамасский уезд. Политическое настроение населения хорошее. Мобилизация проходила успешно. Всеобщее обучение ведется хорошо, товари-

щеская дисциплина образцовая. В двух красноармейских частях организованы партийные ячейки и культурно-просветительные кружки. Очень мало литературы, за последнее время красноармейские части остались без газет.

Лукояновский уезд. Агитационная работа агитационного отдела военкома велась путем распространения литературы и посылки агитаторов.

18 февраля месяца кулачество с. Мадаева вызвало восстание крестьян на почве переучета хлеба и скота. Восстание было немедленно ликвидировано, зачинщик восстания, Абросимов арестован.

В других волостях переучет прошел весьма спокойно.

Всеобщее военное обучение проходит в одних районах хорошо, в других с заминкой.

Во многих селах организуются культурно-театральные кружки.

В январе месяце я был командирован в Сергачский уезд. Приехал я в деревню Стрелку, где крестьяне меня встретили радушно и первым вопросом их был, что делается в России, оказывается, что там никогда не устраивались митинги, нет ячейки, а также культурно-просветительных организаций и никто к ним не заезжал из центра; они очень внимательно меня слушали и просили, даже умоляли, чтобы к ним почаще приезжать. То же самое и в д. Енелейке Тов. крестьяне очень успешно и с большим интересом проходят всеобщее обучение и тут то нужна главная работа, нужна организованная работа среди этих молодых обучающихся тов. крестьян, которые просят, чтобы им дали агитатора-организатора и тогда они у себя построят и ячейку и культурно-просветительную организацию и будут действительно заняты работой по укреплению Советской власти и завоеваний Социальной Революции и поведут энергичную борьбу против их деревенских мироедов, спекулянтов, кулаков и прочей своры.

Агитатор-организатор Болдаровский.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ.

(Выдержка из протокола заседания ячейки сочувствующих при Гарнизонной хлебопекарне от 4-го марта 1919 г.).

Повестка дня:

1) Выборы школьной секции и организации школы.

2) Текущие дела.

По первому вопросу председатель школьной секции Военного Пролеткульта тов. Гоняев делает доклад собранию об организации школы при Гарнизонной хлебопекарне, что является самым главным и необходимым для пролетариата. Происходят выборы в школьную секцию. Выбранными оказались: тов. Соловьев и тов. Гриценюк, которым вменяется немедленно завести поименный список всех рабочих и служащих хлебопекарни с обозначением, кто грамотен и кто совершенно неграмотен; а также немедленно заняться оборудованием школы, инструкцию какой получить у тов. Гоняева.

В текущих делах тов. Гриценюк указывает, что в гарнизонной хлебопекарне есть элементы, которые своими чисто хулиганскими выходками стараются разложить наши ряды. По этому вопросу принимается единогласно резолюция, предложенная тов. Болдаровским: „Мы члены ячейки сочувствующих при Гарнизонной хлебопекарне, недопустим никаких выходок и хулиганство элементов, чуждых нашему святому делу творения Социальной Революции, и заявляем, что будем бороться всеми силами и средствами с негодями до тех пор, пока в наших рядах не останутся лишь истинные товарищи, преданные идее Коммунизма“.

2 марта 1919 года состоялось общее собрание красноармейцев-коммунистов Нижегородского Гарнизона.

Председательствовал тов. Горев Был секретарем тов. Ремизов.

В первом пункте повестки собрания были утверждены члены партии. Затем следует доклад тов. Мордовцева. В нем, делая общий обзор политики Ц. К. докладчик отмечает правильность политики во всех отношениях, не считая некоторых неправильностей в частности, на которые и следует обратить внимание на всероссийском съезде коммунистических партий, чтобы устранить эти дефекты.

Относительно нареканий по поводу командного состава, он отвечает, что в этой области, где нужны специальные знания, не должно существовать выборного права, которое было так необходимо при разрушении старой армии. Однако, специалисты не должны пользоваться мандатами, дающими неограниченные полномочия. Далее он высказывает мысль о ненормальности отношений Коллективов к политическим комиссарам. В строительстве Красной Армии нужно положить в основу создание ячеек и коллективов, в ведении которых должна находиться вся политическая власть, и комиссары за свои действия дают отчет коллективам, которые не вмешиваются в чисто специальные и хозяйственные функции комиссаров. Также ненормально отношение командира к комиссару. Командир всецело должен подчиняться комиссару. Далее тов. Мордовцев отмечает, что Красная Армия должна строиться в будущем не из резервов, а непосредственно вербоваться из населения, которое должно быть обучено военному искусству на местах. Тогда только может выдержать аппарат продовольственного снабжения Красной Армии.

Цена 3 руб.

р 20